

Алексей Иванов

Пищеблок

Фрагмент романа

Часть первая

След вампира

Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.

М.Голодный. «Песня о Щорсе» (1935)

Глава 1. Макароны и барабаны

Олимпийские кольца укрывались даже в упругой округлости букв:
«Олимпиада-80!»

Белые полосы транспарантов были натянуты вдоль ограждения верхней палубы речного трамвайчика и по правому борту, и по левому. Правда, суденышко шло не по Москве-реке на фоне обновленного и величественного стадиона в Лужниках, а по Волге, и фоном были Жигулёвские горы, древние, покатые и покрытые кучерявым лесом. И вез трамвайчик не широкоплечих атлетов-олимпийцев, а рогожные мешки с гречкой и сахаром, картонные коробки с макаронами и сухофруктами, алюминиевые бидоны с молоком — в общем, продукты для пищеблока пионерского лагеря «Буревестник». Но выпел на мачте кораблика развевался по-олимпийски яростно.

Иван Палыч Капустин, капитан, сидел за штурвалом, больше похожим на автомобильный руль. Поверх речной тельняшки с синими полосами Иван Палыч надел черный китель, уже изрядно заношенный, а на голову водрузил фуражку с крабом и золотым рантом. Управлять речным трамвайчиком было не сложнее чем автомобилем, но капитаны — везде капитаны. В любом из них было что-то властное, и потому Игорь Корзухин ощущал себя стесненно, как школьник на экскурсии, хотя

Алексей Иванов родился в 1969 году в Горьком в семье судостроителей, закончил школу в Перми. Автор 20 книг, изданных общим тиражом более полутора миллионов экземпляров: «Сердце пармы», «Географ глобус пропил», «Хребет России», «Псоглавцы», «Ёбург», «Ненастье», «Тобол» и др. Лауреат премий Д.Мамина-Сибиряка (2003), имени П.Бажова (2004), «Книга года» (2004), «Ясная поляна» (2006), «Странник» (2006), «Большая книга» (2006) и др.

знал Иван Палыча с детства. Иван Палыч дружил с отцом Игоря, тоже капитаном, только Александр Егорыч Корзухин командовал не галошей, то есть теплоходиком типа «Москвич», а сухогрузом типа «Волго-Дон» — огромным, почти как авианосец. Игорь сидел в рубке на месте моториста, и Капустин искоса поглядывал, чтобы пассажир не взялся за рычаг, которым переводят двигатель с обычного хода на обратный, — можно запороть машину. Перед Игорем на панели темнели циферблаты: число оборотов, давление масла, температура воды охлаждения. Игорь знал, как управляют судном, и, конечно, не стал бы дергать за рукоять: дурак он, что ли? Но Иван Палыч не доверял этому сопляку. Слишком много в юнце было выпендрежа: и джинсы, и самодельный значок с гитаристом, и патлы.

— Чего не постригся-то перед сменой? — недовольно спросил Капустин.

— Я постригся, — ответил Игорь.

Капустин, разумеется, не понимал: когда волосы закрывают уши — это и есть самый модный причесон. Еще Игорь отпустил усики, которые, впрочем, получились по-юношески реденькими. Ну и ладно. Летом надо успеть похипповать, ведь осенью в универе начнется военная кафедра, где всех заставят обтесать башку машинкой под общий скучный полубокс.

Минувшей весной Игорь окончил второй курс филфака университета. После сессии студенты-филологи отправлялись на фольклорную практику по деревням Поволжья: расспрашивали старушек про забытые обряды, записывали народные песни, местные былички и диалектные слова. На филфаке по большей части учились девушки, и поездки в глубинку всегда были наполнены любовным томлением. Шаткая ограда морали качалась под напором чувств, удерживаемая лишь воспитанием и естественной робостью. С робостью Игорь справился, а воспитание надеялся преодолеть, но в июне, к величайшей своей досаде, подхватил на Волге простуду, и в экспедицию его не взяли. Фольклорную практику деканат заменил ему педагогической: надо было отмотать одну смену вожатым в пионерлагере. Что ж, и это неплохо. Вожатыми работали студенты пединститута, точнее, студентки, потому что в педи, как и на филфаке универа, девушки тоже были в большинстве. Игорь полагал, что студентки-педагогини ничем не хуже универовских филологинь, а может и лучше, если после практики не захочется продолжать отношения.

Широкая река на ярком солнце сверкала перед носом трамвайчика, и вдали рассыпчатый блеск сливался в сплошное ослепительное полыхание. Двигатель трамвайчика глухо клокотал где-то в недрах под рулевой рубкой. Окна рубки смотрели на все четыре стороны. Возле низкого левого берега Игорь увидел растопыренную, как железный паук, землечерпалку. Ее труба, лежащая на решетчатой стреле, сплошным потоком извергала жидкую пульпу в разверстый трюм пришвартованной самоходной баржи.

— Олимпиаду в лагере-то не пропустишь? — спросил Капустин.

Олимпиада начиналась через неделю. Все ждали ее открытия с каким-то непонятым предчувствием праздника — так ждут Новый год, надеясь, что все плохое само собой отвалится и останется в прошлом. Но что особенного мог получить от Олимпиады закрытый город Куйбышев, куда иностранцев не пускали? «Фанту» и колбасу в гастрономах? Кроссовки в «Спорттоварах»? Фиг. Для СССР, исключая Москву, выгоды Олимпиады ограничивались кофтами-олимпийками и красивыми олимпийскими рублями. Игорь не испытывал ни пиетета перед всемирным ристалищем, ни какого-то нервного оживления от неких грядущих благодетий: вообще-то их никто никому и не обещал. Однако Игорь не сказал Иван Палычу о своем скепсисе.

— Телика, наверное, в лагере нет, — дипломатично ответил он.

— Телик в корпусе, где радиоконната, — возразил Капустин.

— Откуда вы знаете? — удивился Игорь.

— Знаю, — уклончиво сказал Иван Палыч.

Игорь, сообразив, умолк. Димон Малосолов, матрос этого трамвайчика, уже растрепал, что у Палыча в пионерлагере «Буревестник» образовалась любовница — заведующая пищеблоком. Трамвайчик ходил в лагерь чуть ли не через день и часто оставался на ночь у причала, а Палыч из капитанской рубки перемещался в койку возлюбленной. Игорь позавидовал капитану: такой старый, полтинник уже, и все еще ходок. А у него, Игоря, у молодого и резвого, нет подруги даже после второго курса.

Кстати, Димон Малосолов тоже сумел завести себе в лагере девчонку — одну из вожаток. Пока Палыч дрых в койке своей заведующей, Малосолов романтически прогуливался по берегу Волги с вожаткой, но добился только потискать ее. В конце концов Димону это надоело, и он решил поменять подругу на более сговорчивую. Его ничуть не смущало, что отвергнутая избранница все увидит и поймет, и ей будет больно. Игорь завидовал столь непоколебимому эгоизму Димона. С таким эгоизмом жизнь — легкотня.

Сейчас на трамвайчике в лагерь ехали три студентки; накинув на плечи стройотрядовские куртки, девушки сидели на передней палубе среди мешков, коробок и бидонов. Игорь рассматривал палубу сквозь большие окна ходовой рубки. Коварный Димон дождался, когда одна из студенток подойдет к ограждению, и подрулил к ней вроде как покурить. Вожатка была самой невзрачной из трех — пухленькая, в очках, с русым хвостом. Типичная филологиня. А Димону того и надо было: с такой проще достичь цели.

Игорь в рубке не слышал, что там на палубе говорит Димон, однако прекрасно помнил все его уловки. Димон спросит, как бы предлагая помощь: «Девушка, вашей маме зять не нужен?» — и девчонка растает. С девчонками всегда так случается. А у Игоря краснели уши от банальности димоновских подкатов. Игорь так не мог. Ему требовалось, чтобы девчонка сама сперва заинтересовалась им. Потому, кстати, он и забрался в рубку к Иван Палычу. Вожатки в пионерлагере должны удивиться: что это за парень такой к ним приплыл — торчал всю дорогу рядом с капитаном?

Игорь был в курсе всех обстоятельств жизни Димона. Они дружили в школе с первого класса. После восьмого Игорь остался в девятом, а Димон поступил в ПТУ на рулевого-моториста. Нынешним летом их дружба возродилась: оба они поневоле болтались в Куйбышеве. Игорь околачивался дома, не взятый в фольклорную экспедицию, и курил во дворе, чтобы не ругала мама, а Димон по вечерам пил пиво на лавке у подъезда. Навигация у Димона была скучной: трамвайчик-то, в отличие от больших судов, не ходил в длинные рейсы до Москвы, Ленинграда или Астрахани. Димон жаловался Игорю на то, как батрачит у Капустина: смазывает движок и драит палубы, а на стоянках наматывает причальные концы на кнехты и дежурит вахтенным у трапа. К штурвалу Капустин Димона не подпускал. И правильно делал.

Иван Палыч направил суденышко к левому берегу мимо белого бакена, обозначающего отмель, и трамвайчик сошел с фарватера. А по фарватеру мимо медленно пронесся белоснежный «Метеор» на подводных крыльях. Он был весь устремлен вперед, словно застыл в бесконечном прыжке: неземной, фантастический, поднятый над волнами силой антигравитации. Даже в рубке Игорь услышал авиационный рев его турбин. Так звучала настоящая жизнь, в которой были небоскребы, трансатлантические лайнеры, могучие и почти разумные ЭВМ, орбитальные «шаттлы» и поиск внеземных цивилизаций, а не пионерлагерь «Буревестник» с его макаронами и барабанами.

На берегу показалась небольшая деревня в полтора десятка домиков, крытых железом или шифером: крашеные заборы из тонких планок, огороды, телеграфные столбы с перекладинами; на легком ветерке с Волги шевелились кроны лип и яблонь. Деревня, видно, считалась такой незначительной, что к ней не подтаскивали ни брандвахту, ни хотя бы понтонный причал.

— Первомайская, — пояснил Игорю Капустин. — Одни старики живут. Кто может — в лагере работает. Сторожами там, плотниками, судомойками.

— А зимой? — спросил Игорь.

Зимой-то пионеры сюда не приезжают.

— Зимой здесь профилакторий и лыжная база ДОСААФ.

За деревней в Волгу впадала речка, заросшая по берегам вербами.

— Называется Рейка, — сказал Капустин.

— Ну и название! — удивился Игорь.

— Раньше была Архиерейка. Лагерь-то — бывшие Самарские дачи. Купцы жили всякие, знать. У какого-то архиерея тоже была дача.

Игорь наконец разглядел эти бывшие дачи — нынешний пионерлагерь. Под высокими корабельными соснами вдоль берега Волги стояли сказочные пряничные теремки — причудливые, как елочные игрушки, лубочно веселые, все в кудрявой резьбе, с фигурными крылечками, с какими-то мансардами и балкончиками, с застекленными верандами, с разноцветными фронтонами, с башенками, с кровлями шатром, лодочкой или палаткой. Не дачный поселок, а выводок резвых деревянных петушков с гребешками и пестрым опереньем. Впрочем, в толпу нарядных домиков затесались и не очень нарядные — щитовые бараки и белокирпичные коробки. От Волги поселок отделялся забором из сетки-рабицы: понятно — чтобы пионеры не бегали купаться.

— Обычной дороги сюда разве нет? — спросил Игорь.

— Есть грунтовка, но ее подпор то и дело топит.

Иван Палыч имел в виду подпор Саратовского водохранилища. Весной и тогда, когда ГЭС в Балаково сокращала сброс, уровень водохранилища поднимался, и пойменные озера-старицы ниже Куйбышева разливались, перекрывая проселочные дороги на низменном левом берегу. В навигацию надежнее было снабжать лагерь речным транспортом.

— Вон уже ждут нас, — сказал Капустин, и ревун трамвайчика квакнул.

Для пионерлагеря был сооружен причал — дощатый помост, вынесенный далеко в воду. Он покоился на железных трубах-опорах, вбитых в дно, как сваи. По краям этот помост был обвешан автомобильными покрышками. Асфальтовая дорожка вела к воротам, возле которых на тумбе возвышалась гипсовая девочка-пионерка, трубящая в горн. На причале возле телеги с колесами от легковушки стояли несколько мужиков. Похоже, они готовились разгрузить припасы, привезенные на трамвайчике.

Игорь сощурился, рассматривая встречающих, но никаких девчонок-вожатых на берегу не увидел. Жалко, блин! Никто и не узнает, что он плыл в рубке с капитаном!

Глава 2. Новенький в строю

Пухленькая вожатка ступила на трап с некоторой робостью, и Димон Малосолов, стоящий на причале, галантно поддержал ее под локоть, а потом мягко подтянул к себе якобы для важного и приватного разговора.

— Слышь, Иришка, у меня тут дружбека к вам в лагерь поработать прислали, а он-то не из ваших, — понизив голос, сказал Димон с приятельской откровенностью. — Прошу, ты устрой его как следует, лады?

Игорь поморщился от досады: весь рейс он с понтом провел в компании капитана, однако протекцию ему составляет матрос.

— А мне в столовке че-нито вкусненькое возьми, — добавил Димон.

Экипаж трамвайчика обычно обедал в лагере.

Пухленькая вожатка чуть покраснела от удовольствия.

— Ну, если будет, — с деланной неохотой согласилась она.

— Игорёха, забери сумку Иришкину! — по-свойски распорядился Димон. — Мне шас разную байду еще в телегу скидать надо!

Игорь не мог отказать: невежливо отказывать, нехорошо.

Вожатки поздоровались с мужиками у телеги — явно это были алкаши из деревни, подшабашивающие в лагере разнорабочими, — и пошли к воротам с гипсовой горнисткой. Игорь потащился за ними, разглядывая самодельные трафаретные рисунки на целинках, стройотрядовских куртках студенток: елки, костры и палатки, а сверху по дуге — название отряда: «Романтики». Наверное, БАМ. Хотя возможны и КАМАЗ, и Атоммаш, и Саяно-Шушенская ГЭС, и даже просто работа проводником в поезде дальнего следования. На одном плече у Игоря висел рюкзак, а в руке он сжимал сумку Ирины.

Лагерь удивил Игоря. Точнее, не лагерь, а дореволюционный дачный поселок — живописная свободная россыпь маленьких деревянных дворцов. Игорь вспомнил экскурсии по старой части Куйбышева: среди купеческих пассажей с витринами и кирпичных особняков с рядами арочных окон попадались декоративные деревянные домики псевдорусского облика. Это было какое-то завихрение модерна, его называли «ропетовский стиль». Игорь и не знал, что в тридцати километрах от города существует целое гнездовье этих кукольных жар-птичек. Можно сказать, ансамбль. Правда, его единство было безбожно нарушено казенными новоделами, и гармонию напололам рассекла заасфальтированная аллея с пионерскими стендами и газосветными фонарями. Но корабельные сосны хранили дух праотеческого узорочья.

Пухленькая вожатка остановилась и указала Игорю на один из теремов.

— Тебе в тот корпус. Оттуда Володя Киселёв уехал, а ты на его место принят. Положи вещи в вожатскую комнату и приходи в столовую.

— Меня Игорь зовут, — передавая сумку, сказал Игорь.

— А меня Ирина Михайловна, и никак иначе.

Игорь понял, что эта девица желает получить все удовольствия сполна: приятно, когда один парень клеится, а другого можно отшить.

В корпусе было светло и пусто. Пахло свежей олифой и досками. Сверху доносился невнятный шум радиоприемника. По скрипучей лестнице Игорь поднялся на второй этаж, где располагалась комната вожатых. В каморке со скошенным потолком стояли две кровати, две тумбочки, письменный стол и шкаф. Кудрявый полноватый парень, нацеливая в окно телескопическую антенну транзистора, искал какую-нибудь подходящую станцию.

— Привет, — сказал Игорь, сваливая рюкзак на пол. — Я новый вожатый.

— Вот эту койку занимай, — парень указал антенной.

Игорь переложил рюкзак на койку и протянул кудрявому руку:

— Игорь.

— Александр, — солидно ответил кудрявый.

— Филолог? — спросил Игорь. — Физик? Историк?

— Иностранные языки, инглиш.

Игорь порадовался, что сосед — не с факультета физической культуры. На физкультуру поступали в основном спортсмены, отслужившие в армии. И до армии-то они были не отягощены мозгами, а срочная только укореняла их в дуболомстве, и рабфак уже ничего не мог исправить. Эти парни чаще всего оказывались неплохими людьми, но в школу, в спортивные секции и в пионерские лагеря они тащили удобную для работы дедовщину и кондовую сержантскую мудрость: «я начальник — ты дурак»; «кто сильнее — тот герой»; «полковник сказал, что муха — вертолет, значит, вертолет».

— «Битлов» на русский перевести сможешь? — спросил Игорь у Саши.

— Знаешь, я всего такого не одобряю, — Саша кивнул на самодельный значок с фоткой Пола Маккартни. — У нас же советский лагерь.

— Понял, — сухо сказал Игорь.

Но Саша против воли покосился и на джинсы Игоря.

— А что у тебя за фирма?

Видимо, Сашины принципы не распространялись на все сферы жизни.

— «Монтана».

Увы, увы, «монтана» у Игоря была паленая, дерibasовская, на какую уж денег хватило. Однако следует надеяться, что никто не раскусит подделку.

Сашу явно удручил престижный лейбл.

— Сразу скажу, — выключая приемник, заявил он, — что не планирую приводить сюда девчонок. Я комнату уступать не буду.

— Найду, где уединиться, — хмыкнул Игорь.

Он вовсе не был ловеласом, но пусть этот Саша не корчит командира.

— Пойдем на обед. У нас тут не хиппи, все по расписанию.

Одноэтажное и безликое здание пищеблока, сложенное из силикатного кирпича, выглядело, как прачечная; впрочем, в прачечных окна заделывали толстыми плитками бутылкочно-зеленого стекла, а пищеблок имел обычные окна с деревянными рамами. Снаружи оконные проемы были перекрыты решетками. Рисунок их прутьев напоминал восходящее солнце с лучами — как на гербе СССР. Над кровлей кухни торчали две черные железные трубы. Из форточки, подвывая, вентилятор выбрасывал струю горячего котлетного запаха. У задней двери громоздились ящики из-под овощей и мятые баки с объедками. Широкий главный вход поверху был гостеприимно украшен выцветшим транспарантом «Приятного аппетита!»

В столовке через просторный зал тянулись ряды столов. В простенках меж окон висели поучающие плакаты: розовощекий пионер в пилотке чистил ножом картошку; пионерка с косичками, улыбаясь, мыла мочалкой блюдо; мальчик и девочка с красными галстуками, расставив руки, вдвоем тащили тяжелое ведро. Так полагалось поступать сознательным детям.

Сейчас в столовке обедали работники лагеря, которых в смену обычно никто не замечал: несколько мужиков и теток — какие-нибудь плотники, сторожа и уборщицы; молодой доктор и пожилая медсестра — оба в белых халатах; толстый дядька бухгалтерского вида; парень в синем комбинезоне — несомненно, радиотехник. Впрочем, имелись и вожатые. Димон Малосолов пристроился к пухлой Ирине. Рядом с капитаном Капустиным на скамейку села женщина в химических кудрях — видимо, любовница-заведующая. Игорь услышал, как она негромко говорит Капустину, хлебающему суп:

— Картошку можешь себе оставить, только перебери — она здесь уже гнилая, и просуши. Рис подели пополам: три кило тебе, три — мне. А сахар вообще не трожь, я себе заберу, буду в августе варенье делать.

На раздаче Игорь взял борщ, перловую кашу и стакан с компотом, а затем вернулся на место рядом с Сашей. Обедать одному было неловко.

— Киселёв работал на четвертом отряде, и тебя туда назначат, — сказал Саша. — А я на третьем. Весь день в третьем корпусе, а живу в четвертом.

— Почему? — удивился Игорь.

— Не будут же селить парней с девушками. Это разврат.

«Моралист выискался», — подумал Игорь.

— А кто у меня второй вожатый?

— Это ты второй вожатый, — с превосходством поправил Саша. — А первый вожатый у тебя Иринка Копылова.

— Она? — Игорь кивнул на пухлую подругу Димона.

— Она. И ключ от комнаты я тебе пока не выдам.

— Почему? — возмутился Игорь.

— Сначала отнеси свои документы Наталье Борисовне. И справку врачу покажи.

В прошлую смену во втором отряде был педикулез.

— Думаешь, я вшивый?

Саша невозмутимо пожал плечами: почему бы и нет?

Игорь подумал и решил не спорить. Оно ему надо? Его цель — отмотать положенную практику, а не переделывать этот мир к лучшему. В казенной жизни все похоже на медкомиссию в военкомате: превратись в косоглазого и плоскостопого идиота, и тогда тебя признают негодным к строевой.

Глава 3. Как везде

После обеда всех вожатых собрали в Дружинном доме. Собрание вела та самая Наталья Борисовна, которой Игорь должен был сдать направление на практику, — старшая пионервожатая. Фамилия у нее была Свистунова.

Игорь осторожно разглядывал Знаменную комнату, полыхавшую на солнце блеском медных горнов и барабанов с металлическими ободками; в шкафах без дверей среди рулонов стенгазет и растрепанных журнальных кип сияли никелированные спортивные кубки; стены пламенели развешанными шелковыми вымпелами. Свернутое знамя дружины, помещенное в особую стойку, от затаенного царственного величия казалось неподъемно тяжелым, словно ствол артиллерийского орудия.

Вожатых, считая с Игорем и Сашей, было двенадцать человек: четверо парней и восемь девушек. Двух других парней звали Кирилл и Максим, но казалось, что они тезки, потому что явились в одинаковых олимпийках и трениках. А девушки, почти все, надели целинки, пестревшие шеvronами, лычками и эмблемами — нашивки теснились так плотно, что куртку можно было читать, как газету. Стройотрядовская фанаберия создавала ощущение бурной личной жизни у девиц, хотя их романтика, скорее всего, воплощалась в работе поварами для какой-нибудь бригады стропальщиков где-нибудь на строительстве гидростанции. Однако Игорь все равно заревновал. Сколько ни ехидничай, а стройотряд — не филологические посиделки с бабушками.

Еще на собрании присутствовал главный физрук — молодой высокий мужик с недовольно-скупающим лицом. Он сидел в углу, широко разведя колени, и подергивал ляжкой, будто куда-то торопился, а его принудили торчать здесь. Сама же Свистунова, фигуристая бабенка с зычным голосом, в пионерском галстуке выглядела эдакой боевой малышкой.

— Чего такие квелые? — задорно спросила она вожатых и откинула с глаз крашеную челку. — Ну-ка подтянись! Поднять хвост пистолетом!

— Да мы же всегда готовы! — привычной, видимо, шуткой ответили ей девушки-вожатые и принужденно засмеялись.

— У нас новый сотрудник. Игорь Корзухин. Откуда ты, Игорь?

— Филфак универа, — сказал Игорь.

— Ну и хорошо. Вливайся в коллектив, Игорёк.

— Сейчас вольюсь, — пообещал Игорь.

Ему не нравилось, когда его называют Игорьком, но девушки-вожатки повернулись к нему с дружелюбным интересом, и он не рассердился.

— Иришка, тебе маячок: взять шефство над новеньким.

— Пусть хоть одевается прилично, — вздохнула Ирина.

Вожатки посмотрели на Пола Маккартни у Игоря на значке.

— Ты на гитаре умеешь? — спросила одна из вожаток.

— Умею, но вам лучше этого не слышать, — честно предупредил Игорь.

Девушки рассмеялись уже свободнее.

— Наш человек, — подвела итог Свистунова. — Итак, к делу!

Широким жестом она расстелила на столе большой ватман с таблицей,

заполненной разноцветными фломастерами, — подобным образом полководец расстилает перед генералами карту намеченного сражения.

— План-сетка прежняя, бойцы. Распределим мероприятия. Помнится, Ленчик, в прошлую смену ты не хотела у старших отрядов строевой смотр проводить. Но ведь справилась?

— Справилась, — кивнула кудрявая и глазастая Леночка.

— Вот, зря боялась, — удовлетворенно сказала Свистунова, помечая на ватмане ручкой. — Как говорится, только юбочка помялась... Веруня, а у тебя конкурсы рисунков на асфальте и поделки из природного материала, так?

— Так. Только мел и пластилин никому не давайте, в тот раз не хватило.

— Едите вы их, что ли? — удивилась Свистунова. — Ладно, учту. А кто у нас за День варенья отвечать желает?

— Может, не надо его? — усомнилась толстенная вожатка с косой. — Здесь даже манник нормальный не испечь. Да и поварахи на кухне ворчат.

— Зато девчонок за уши не оттащить, — возразила Свистунова. — Поставлю на вид заведующей пищеблоком, пусть даст своим бабам втык.

— А я еще шахматы возьму, у меня же разряд, — солидно сообщил Саша, сосед Игоря по комнате. — В конце смены турнир организую.

— Турнир — хорошо, как раз то, что доктор прописал, — согласилась старшая вожатая. — Ты у нас вундеркинд какой-то, Саша.

Саша снисходительно хмыкнул. Вожатки глядели на него заискивающе.

— За тобой, Вероничка, получается фестиваль пионерской песни.

— А фонограмму прислали? — спросила Вероничка.

Игорь подумал, что этой девушке не идет уменьшительно-ласкательное имя. Девушка держалась надменно и потому казалась более сложной, чем все остальные. Целинку она не носила, и прическа у нее была не как у прочих вожаток: не хвост или коса, а короткая и даже дерзкая стрижка под мальчика. В ушах Вероники сверкали золотые сережки, не сочетающиеся с пионерией. На филфаке Игорь уже встречал таких девушек. Они курили, сторонились однокурсниц, не обедали в столовке и читали поэтов Серебряного века.

— Фонограмму пришлют, — ответила Наталья Борисовна чуть жестче, чем прежде. — Только знаешь, красавица, если выбираешь песню про любовь — то про любовь к родине. Лирику оставляем дома.

Вероника не ответила и лишь улыбнулась свысока.

— Я проведу чемпионат по пионерболу, — сказал вожатый Максим.

— Добро, — согласилась Свистунова. — А кто на ШКИД?

ШКИД — это Школа Интернациональной Дружбы. Попросту говоря, это когда пишут письма в «Артек» или «Орленок» пионерам из соцстран.

— Иринка и Галка, ШКИД — вам. Только мальчишек надо побольше.

— Им лень писаниной заниматься, — возразила чернявая Галка.

— Что значит лень? Надо — и все! Не хотят старшие — возьмите младших. Но учитите, что я прочитаю. Пусть не выпрашивают у иностранцев жвачки и наклейки. У нас областной конкурс на лучшее письмо.

— Это понятно, Наталья Борисовна.

Свистунова рассматривала план-сетку и покусывала ручку.

Игорю стало неудобно. Он неплохо помнил свои собственные школьные годы, не такие уж и далекие, и тайно надеялся, что взрослая жизнь отодвинет эту показуху и казенщину в сторону. А нетушки. Здесь, в пионерлагере «Буревестник», багряная рука взяла его за горло так же крепко, как и прежде.

— Ну что? — изучив ячейки плана, Свистунова подняла требовательный взгляд на вожатых. — Есть еще идеи? Чего приуныли, бойцы? Кого-нибудь осенит вспышка разума? — Вожатые молчали. — Нет? Тогда все!

— Эй, стопэ, Наталья! — вдруг забеспокоился физрук, подтягивая ноги. — Как-то я не услышал, чтобы «Зарницу» вычеркнули!

Игоря удивила фамильярная манера физрука. Она не вязалась со стилем совещания у старшей пионервожатой. А Свистунову это даже не покорило.

— Вычеркнули, Руслан, вычеркнули, — покладисто ответила она.

— А почему? — огорчилась одна из вожаток.

— Здорово же по лесу побегать! — поддержала ее другая вожатка.

— Мечтать не вредно! — усмехнулась Свистунова.

— Вам побегать, а мне потом дэбилов искать! — презрительно фыркнул физрук с таким видом, будто ему приходится все за всеми исправлять и без его нечеловеческих усилий работа развалится, а он уже устал.

— На «Зарнице» драки! — пояснила Свистунова. — Старшие младших бьют. Так что обойдемся без «Зарницы». И без Праздника Нептуна.

— А почему без Нептуна?!

Праздник Нептуна в пионерлагерях всегда все любили — и взрослые, и дети: можно поорать, потолкаться, силком искупать кого-нибудь.

— Агрессию лучше в спорте проявлять!

По удовлетворению физрука Игорь понял, что на Празднике Нептуна физруку тоже приходится умирять «дэбилов», а он, как известно, уже устал.

— Обратите внимание, что День самоуправления тоже вычеркнут, — оповестила Свистунова. — От него только бардальbero в лагере.

Физрук авторитетно кивнул, и девчонки-вожатые больше не возражали.

Игоря осенило: физрук был мужиком старшей пионервожатой! Потому она и выполняла его пожелания! Игорь наклонился к соседке Леночке:

— Они женаты, что ли?

— В гражданском браке, — с благоговением прошептала Леночка.

Выражаясь в духе кудрявого Саши, незаконно сожительствоуют.

Игорь распрямился, испытывая облегчение. Поначалу он ощутил себя здесь чужаком: никого не знает, сидит такой модный, как болван, а девчонки-вожатки под водительством решительной комиссарши Свистуновой борются за интернациональную дружбу, мир во всем мире и прочие правильные вещи. Однако фигушки. Тут как везде. Флаги — флагами и серпы — молотами, но даже в пионерлагере людям хочется жить попроще, полегче и получше.

Глава 4. Пионерская аллея

Валерка не стал давиться в толпе пацанов, сбившейся у выхода на трап. Куда рваться-то? Зачем? Только ручку у чемодана оторвут. Над палубой и рубкой трамвайчика, что прижался бортом к причалу, с криками носились чайки. Молодой матрос у трапа грубо отгеснял пацанов от раскрытых дверок, хватая за плечи, и пропускал по одному, как шарики в «Спортлото». Этот матрос всю дорогу о чем-то болтал с вожаткой, с пухлой и очкастой Ириной Михайловной, заигрывал с ней и теперь показывал, какой он резкий мужик.

— По очереди! По очереди! — орал он пацанам. — Шас как дам в лоб!

Девчонки толклись за спинами пацанов и галдели.

— Рин Халовна! — кричали они. — А Галкин лягается! Рин Халовна, тут чья-то кофта лежит! Рин Халовна, а у Морозовой панаму сдуло!

Валерка продолжал сидеть, пропустив вперед и девчонок тоже.

— Лагунов! — увидела его вожатка. — Пошевеливайся!

— Лагунов! — тотчас закричали девчонки, оглядываясь. — Чего расселся! Вставай с лавки, дурак! Приехали! Слышишь, чего тебе сказали?

Валерка нехотя поднялся и пошел, болтая чемоданом. Учителя всегда обращали на него внимание, потому что он был невысокий, худенький и в очках. Учителям казалось, что он нуждается в опеке, иначе его затрут или потеряют. Но Валерка Лагунов в опеке никогда не нуждался.

Жалко, что доплыли так быстро. На корабле было интересно.

Ирина Михайловна вывела свой отряд с причала и собрала в кучу возле ворот — двух железных столбов, над которыми была укреплена дуга железной рамы с железными буквами: «Пионерлагерь “Буревестник”». Ирина Михайловна принялась по списку проверять свой отряд: пятнадцать мальчиков и пятнадцать девочек. Все после пятого класса, только школы разные, хотя из одного района, и почти всем по двенадцать лет. Валерка разглядывал опустевший речной трамвайчик — изящный, будто огромная игрушка, а пацаны глазели на памятник у ворот — на гипсовую скульптуру девочки-горнистки. Валерка еще на трамвайчике отметил и запомнил, как в его отряде зовут самых шептунных и горластых мальчишек, которые умели знакомиться мгновенно и ничего не стеснялись.

Пацан по фамилии Титяпкин заглянул гипсовой горнистке под юбку и с сожалением сообщил:

— Блин, там все заделано!

— Ты урод, Титяпкин! — возмущенно завопили девочки.

Имени Титяпкина никто не знал, да с такой фамилией имя и не нужно.

Другой пацан — Серёжка Домрачев — сказал:

— У нас закон такой был: кто шишкой ей в горн попадет, чтобы шишка внутри осталась, тому будет счастье.

Серёжа Домрачев провел в лагере «Буревестник» первую смену и теперь приехал на вторую. Он все знал о «Буревестнике».

— Я шас шишку найду! — заметался мелкий юркий пацан, похожий на неукротимого лягушонка. Его звали Женя Гурьянов, а кличка была Гурька. — Я каждую ночь сюда стану ходить! Я ей полную трубу шишек набью!

— Гурьянов, вернись на место! — рявкнула Ирина Михайловна.

— Кидай не кидай, все равно ни хрена не сбудется! — буркнул высокий губастый мальчик с недовольным лицом. Мальчика звали Веня Гельбич.

— Законы всегда сбываются! — возразил Колька Горохов. — Че, не верите? Сами увидите! Кто не верит — тем же хуже!

— У горна воронка неглубокая, там шишка не застрянет, — рассудительно заметил крепкий русоволосый мальчик, которого звали Лёва Хлопов.

— У нас у одного пацана застряла, — возразил Серёжа Домрачев. — Он домой вернулся, и ему родики велик купили.

— Запомните, ребята! — громко объявила вожатая. — Мы — четвертый отряд! Сейчас мы идем в четвертый корпус! Разберитесь по парам!

— Фиг ли как в садике-то! — обиделся Славик Мухин.

Ирина Михайловна сама без обсуждений расфасовала мальчишек по парам. Валерке достался Серёжа Домрачев.

Ребячья суматоха под гипсовой горнисткой потихоньку разряжалась: вожатые вводили свои группы в жилые корпуса. Сначала забрали младших — шестой и пятый отряды, потом Ирина Михайловна возглавила шествие четвертого отряда. От ворот в глубину лагеря тянулась Пионерская аллея — обсаженная кустами акации и обставленная большущими застекленными стендами. Вдоль аллеи, как вдоль городской улицы, возвышались фонари. На горячем асфальте валялись растопорщенные сосновые шишки.

— Вы на шишки наступаете, пацы? — спросил у всех Колька Горохов. — А нельзя! Кто наступит — тот че-нито дома забыл, верная примета!

По всему лагерю в невидимых динамиках играла бравая пионерская музыка.

Девочки сразу поторопились за Ириной Михайловной, чтобы расспрашивать ее по пути, а мальчишки замыкали движение: им хватало собственного ума, и вожатка только мешала обмену мнениями.

— Как тут живется, Серый? — по-хозяйски спросил Лёва Хлопов.

— Да фигово! — влез со своим мнением Гельбич. — Я здесь в прошлом году одну смену провел — лучше бы в тюрьму попал. Месяц строем ходили!

— Нормально тут, — возразил Серёжа. — Тихий час только задрал.

— А я вообще спать не буду! — заявил Женька Гурьянов.

— Все так говорят, а сами спят, — горько ответил Серёжа.

От аллеи ответвлялись дорожки, ведущие к жилым корпусам и прочим зданиям лагеря. Валерка с удивлением разглядывал причудливые резные терема — какие-то приветливые, не похожие друг на друга, словно бы ни к чему не принуждающие: делай, что хочешь. Это было непривычно, будто вместо смотра строя и песни предложили поиграть в прятки. На тесовых стенах и крашеных железных крышах лежали желто-зеленые световые пятна. Прямые и высокие сосны казались вертикальными взлетами. В дырявых сосновых кронах солнце рассыпалось на огни, как в клочьях хвойного дыма. Сквозь струнный перебор красных стволов сверкала длинная полоса Волги.

— Это второй корпус, тут старшаки живут, — пояснял Серёжа Домрачев. — Это Дружник, Дружинный дом. Там кружки всякие, киношку показывают. Это столовка. Там вон — баня. Это — пятый корпус, где салабоны.

— И так все понятно, че говорить-то! — раздраженно проворчал Гельбич.

Он ревновал, что расспрашивают Серёжу, а не его.

— А местные есть? — боязливо спросил худенький и мелкий мальчик, имени которого Валерка еще не знал.

— Местных здесь нет, — успокоил Серёжа. — Есть Беглые Зэки.

— Обацэ! — восхитился Гурька.

— В прошлом году никаких зэков не было! — заявил Гельбич.

— Может, тогда Зэки еще у себя сидели. А щас они в лесу живут, за оградой, — темнея глазами, поведал Серёжа. — У них там землянки. Я сам видел. За ограду нельзя ходить — поймают.

Валерка дома во дворе не раз слышал легенды о Беглых Зэках. Убежав из зоны, зэки превращаются в каких-то чудовищ, полулюдей-полузверей.

— А поймают — что будет? — встревожился Гурька.

— Если без галстука попадешься, может, отпустят, — Серёжа имел в виду пионерский галстук. — А если с галстуком — убьют. Старшаки говорили, что в другом году один пацан ушел — и пропал. Потом только скелет нашли.

Мальчишки были впечатлены.

— Не все же зэки такие, Серый, — неохотно усомнился Лёва Хлопов. — Нам в секции тренер сказал, что был один футболист, олимпийский чемпион, и он тоже стал зэком. А потом его отпустили, и он опять стал футболистом.

— Он же не убежал, — возразил Серёжа.

Лёва вздохнул. Это верно. Если бы тот зэк-футболист убежал, может, тоже обратился бы в людоеда и пасся возле какого-нибудь пионерлагеря.

А девчонкам было совершенно наплевать на угрозы окружающего мира. Девчонки со всех сторон приставали к Ирине Михайловне.

— Рин Халовна, а конкурс песни будет? Рин Халовна, а я умею художественное плетение! Рин Халовна, а дискотеку сделают? Рин Халовна, а можно в другой отряд ходить? У меня там сестра!

— Здесь вообще много колдовства разного, — мрачно сообщил пацанам Серёжа Домрачев.

Валерку это удручило. Он не любил колдовства. Взрослые убеждали, что колдовство — пережитки прошлого, выдумки, но все равно было страшно.

— Вон тот дом видите?

Серёжа указал на самый, наверное, красивый теремок: голубой и белый, двухэтажный, с верандой, балкончиком и башенкой.

— Там какой-то старикан живет, пенсионер. У него есть Чёрная комната. Туда люди заходят — и никто уже никогда не выходит!

Валерка посмотрел на ладненький голубой домик, и по спине у него побежали мурашки. Ничего подобного взрослые о мире не рассказывали. Их мир был скучный и понятный, весь для разных надобностей, как автобусная остановка — общая и заплеванная. Колдовство же, ясное дело, было злое и неправильное, оно мстило всем за неизвестно что, но от него мир делался цветным, загадочным и более живым: значит, колдовство было настоящим.

— У нас в прошлом году один чухан в лесу заблудился, так его нашли, — сказал Гельбич, лишь бы поспорить с Серёжей.

— Если бы в лагере дети пропадали, сюда бы мильтоны приехали, — сердито заметил Лёва Хлопов.

Он любил футбол, и ему не хотелось ничего колдовского.

— Детей старикан туда не пускает. А люди там пропали вообще давно.

— Какие люди?

— Это же дачи буржуев были до революции, — негромко сказал Серёжа. — Когда красные пришли, буржуи все в Чёрную комнату забежали и исчезли.

— Четко! — воодушевился Гурька. — От них должны привидения остаться!

— От привидений надо пиковую даму под матрас положить, — Колька Горохов завертелся, оглядываясь на пацанов. — Пацы, у кого карты есть?

— Я пойду привидений ловить! — азартно заявил Гурька. — Ночью!

— Обоссешься! — авторитетно предупредил Славик Мухин.

К четвертому отряду, расслабленно растянувшемуся по аллее, вдруг подскочила похожая на девочку тетка с пионерским галстуком.

— Чего такие кислые? — бодро крикнула она. — По маме заскучали? Ну-ка давай речевку! — и она заорала: — «Это кто шагает в ряд?!»

Все знали эту речевку.

— «Пионерский наш отряд!»... — вразнобой отозвались девочки.

— Мальчики, не слышу вас! — подхлестнула тетка. — «Дружные!»

— «Умелые»... — вяло и нестройно ответили пацаны.

— «Честные!» — требовательно проорала тетка.

— «И смелые!» — прокричали мальчишки.

— «Наш девиз всегда таков!»

— «Будь готов! Всегда готов!» — уже слаженно закончили пацаны.

— Вот теперь правильно!

Тетка потрепала по затылку Титяпкина и понеслась дальше.

— Это что за дура? — негромко спросил Титяпкин.

— Свистуха, главная вожатка, — сказал Серёжа Домрачев.

Глава 5. Место командира

Пока отряд шел по аллее к своему корпусу, они разговаривали, а потому как бы немного сдружились; стало понятно, что и дальше можно держаться вместе, то есть в четыре пары: Валерка и Серёжа Домрачев, Лёва Хлопов и Колька Горохов, Титяпкин и Гурька, Славик Мухин и восьмой пацан, мелкий, про которого пока не знали, как зовут. Всю дорогу он робел и лишь поддакивал. А высокий, всем недовольный Гельбич остался без компании.

Четвертый корпус оказался двухэтажным теремком, смотревшим сразу на все

стороны. Ирина Михайловна завела отряд на веранду — большую и жарко нагретую. Здесь ждал второй вожатый: парень с модной прической и темными усиками. Он растерянно улыбался, не зная, что делать, а Ирина Михайловна управлялась с пионерами, как опытный погонщик.

— В корпусе четыре палаты, значит, будет четыре звена, — сказала она отряду, строго блестя очками. — Два звена — мальчики, два — девочки, по семь и восемь человек. Так что делитесь на звенья, и поживее. Даю пять минут.

Гурька сразу растопырил руки, загреб тех, с кем шел, — Лёву Хлопова, Титяпкина, Валерку и прочих, кроме Гельбича, — и принялся пихать к окну.

— Вот наше звено! — завопил он остальным пацанам. — Не лезь, сволочи!

— Гурьянов, за языком следи! — одернула его Ирина Михайловна.

Как полагается учителю, она быстро запоминала своих подопечных в лицо и по фамилиям.

Главный вопрос, терзающий всех пацанов, едва они увидели корпус, задал вожатой кто-то из мальчишек второго, не Валеркиного звена.

— Рин Халовна, а кого на второй этаж заселят?

Второй этаж, понятно, — самый ништяк, самое четкое место!

— Уж точно не нас, — злобно сказал Гельбич.

— На втором этаже палаты девочек, — сообщила Ирина Михайловна.

— А че так?! А че?! Фига-се! — в досаде взвыли все пацаны.

— Потому что вы психопаты! — отрезала Ирина Михайловна. — Вы ходить спокойно не умеете и на лестнице шею свернете!

— Да все мы умеем!..

— Разговор окончен. Игорь Александрович, ведите девочек наверх.

Усатый-волосатый вожатик снова улыбнулся.

— Девочки, за мной, — вежливо сказал он. — Ступеньки не ломайте.

Палата, в которую Ирина Михайловна запустила звено Валерки, была похожа на каюту деревянного корабля. Большое окно. Восемь заправленных коек по четыре в ряд: полотенца висят на спинке, байковые одеяла натянуты, подушки торчат пирожками. У каждой койки — тумбочка. На досках стен, на половицах и на байковых одеялах лежали яркие квадраты солнца.

— Располагайтесь, — сказала Ирина Михайловна. — Доставайте, что вам надо, и парадную форму. Через полчаса чемоданы заберу в кладовку.

— Нормальная палата, — озираясь, подытожил Лёва Хлопов.

Его слова прозвучали как команда «Вперед!»

Гурька отшвырнул свой рюкзак-колобок и полетел к окну.

— Моя! — завопил он, звездой упав на койку.

Валерка знал, что койки под окном всегда считаются самыми лучшими. Почему — неизвестно. Однако лично Валерке больше нравилась койка в углу, и он молча поставил на нее свой чемодан. И второго соседа нет, и выход рядом, и удобнее делать домик из простыни, чтобы укрываться от комаров.

В пионерлагерях Валерка бывал уже много раз — с третьего класса ездил. Папа считал, что Валерка слишком много читает и ему не хватает общения со сверстниками. Валерка не спорил, хотя в лагерях ему было скучновато. Папа у Валерки работал инженером в секретном конструкторском бюро, чертил двигатели для военных ракет. Это была государственная тайна, но не понятно, от кого. Как человек, думающий о Родине, папа хотел, чтобы сын был ближе к народу. А Валерку народ заколебал: одному побыть бы, без товарищей, без учителей и без глупой младшей сестренки, — вот чего надо.

Другую койку под окном тотчас занял Титяпкин: плюхнулся задом и принялся вертеться туда-сюда, словно ввинчивался для более надежного закрепления. Но к Титяпкину вдруг не спеша подошел Лёва Хлопов.

— Слушай, — проникновенно сказал он. — Я футболист, я бегаю, у меня легкие вот так разработаны, — Лёва руками показал перед собой нечто вроде женских грудей. — Мне кислород нужен. Пусти меня к окошку, а?

Титяпкин обомлел. Лёва, безусловно, был сильнее всех в палате, но дело не в этом. Даже за такое короткое время само собой определилось, что к Лёве в их только что сплотившейся компании уже все прислушиваются. Лёва незаметно становился признанным командиром. И как теперь быть бедному Титяпкину? Поссориться с Лёвой, когда остальные задружились?

— Да за мах! — залихватски заявил Титяпкин, словно уступить Лёве ему было в радость, и ловко перепрыгнул на койку напротив.

— Эту я забил! — обиженно закричал Славик Мухин.

— Я с Лёвкой! — заорал ему Титяпкин. — У Лёвки кислорода нету!

— Пошел в жопу! — Славик без аргументов толкнул Титяпкина на пол.

— Ты че? — разозлился Титяпкин. — Пойдем выйдем!..

— Это Славика кровать, — осуждающе заметил Титяпкину Лёва.

Рассудительному Лёве не хотелось иметь рядом придурка Титяпкина. А Титяпкину глупо было ссориться с Лёвой из-за койки Славика, если уж он не стал ссориться из-за своей собственной койки. Но Титяпкин почувствовал, что унижен. Ему требовалось отыграться. Его взгляд пронесся по палате и остановился на Валерке — маленьком и в очках. Очкарики — все слабаки и дристуны, в этом Титяпкин не сомневался. А место в углу вроде неплохое.

Валерка сидел на полу, перекладывая из открытого чемодана в тумбочку аккуратно свернутый свитер и парадную одежду — белую рубашку и синие школьные брюки. Титяпкин перескочил через кровать Серёжи Домрачева и с ногами взгромоздился на кровать Валерки, будто обезьяна на ветку.

— Я здесь буду! — сообщил он. — А ты вали на пустую!

Он указал на пустую койку возле восьмого мальчика, безымянного.

Валерка понял, что назревает схватка, и встал. Сердце его колотилось.

— Сам иди! — ответил он.

— Ты че, очкастый, оборзел? — Титяпкин вел себя, как шпана.

— Ты там не сидел, Валерыч! — поддержал Титяпкина Колька Горохов. — Жопу поднял — место потерял! Правил, что ли, не знаешь?

— Вам не подраться, нам не посмотреть! — крикнул издали Гурька.

— Дерни отсюда, Титька! — решительно сказал Валерка.

Пацаны бессовестно заржали, и даже Лёва улыбнулся. У Титяпкина от обиды запрыгало лицо. Он ринулся к Валерке, сжимая кулаки.

В этот миг дверь распахнулась, и в палату шагнула Ирина Михайловна. На вид она была слабавольной тетехой, пухловатая и близорукая, но внутри у нее — Валерка это уже уяснил — находился стальной стержень.

— Что за гвалт? — свирепо спросила она.

Пацаны молчали. Ирина Михайловна быстро оглядела всех.

— Титяпкин, не наглеи! — сразу поняв ситуацию, жестко сказала она. — Отцепись от Лагунова. Займи свободную койку. Я проверю!

Не сомневаясь, что ей подчинятся, Ирина Михайловна вышла.

Титяпкин чуть не заплакал.

— Нечестно это! — уже без всякого озверения пожаловался он. — Вы все выбирали себе койки, а мне, как чушману, последняя осталась!

— Ладно, — смилостивился Лёва. — Давайте, как в футболе, жребий кинем: кому пустое место выпадет, тот на него и пойдет, а Титяпа на его место.

— Может, лучше посчитаемся? — предложил Колька Горохов.

— Считай, — согласился Лёва.

Колька начал считать, тыча пальцем. Лёву он исключил из розыгрыша, признавая право командира лежать там, где хочется.

— За сто-лом си-дели гости, из баш-ки тор-чали гвозди, — затараторил Колька, вращаясь вокруг себя с вытянутой рукой и выставленным пальцем. — Э-то я заколотил, чтоб ни-кто не у-ходил! Ты!

Колька указал на безымянного мальчика. Этот выбор всех устроил.

— Тебя как зовут? — спросил Лёва.

— Юра Тонких, — едва слышно пролепетал пацан.

— Переложись, Юрик, туда.

— Я уже вещи в тумбочку засунул...

— Перекладывайся! — яростно закричал Горохов. — Закон не уважаешь?!

— Титяпа, занимай койку, — распорядился Лёва.

Титяпкин был удовлетворен, хотя получил, в общем, то же самое место, против которого так бунтовал. Направляясь к своей новой койке, Титяпкин обернулся и бросил на Валерку огненный взгляд.

— А с тобой, очкастый, седня вечером махач будет, понял?

— Закрой рот — кишки простудишь, — неустрашимо ответил Валерка, как полагалось у пацанов, хотя угроза ему очень и очень не понравилась.

Из коридора донесся зов Ирины Михайловны:

— На сбор! Всем на отрядный сбор!

Глава 6. Всем о себе

Подъем, зарядка, утренняя линейка. Завтрак, обед, полдник, ужин. «Трудовой десант», тихий час, вечерняя линейка, отбой. Занятия в кружках, соревнования, конкурсы, смотры. Родительский день, итоговый концерт, последний костер. Купания, игры, кино... Ирина Михайловна подробно разъясняла порядок жизни в лагере, но Валерка не слушал. Он и так все знал. Шурясь, он читал список отряда, прикнопленный к стенду, вернее, список девочек: Бояркина, Вишнёва, Гуляева, Завьялова, Касимова, Лебедева, Сергушина, Стяжкина... Знакомых нет.

Отряд сидел на веранде на скамеечках вдоль стен. Все были одеты для торжественной линейки: светлый верх, темный низ, пионерские галстуки.

— Так, ребята, теперь нам нужно выбрать командира, — деловито сказала Ирина Михайловна. — Есть предложения?

Предложений не было. Ребята еще не перезнакомились, зато по школе помнили, что командир — это не тот, кто командует сам, а тот, кто заставляет остальных выполнять команды учителей или вожатых. Нафиг кому надо?

— Кто в школе был командиром отряда?

— Я была! — вдруг заявила какая-то девочка.

В голосе ее звучали и гордость, и желание, чтобы ею восхищались.

— Иди сюда, Сергушина, — распорядилась Ирина Михайловна.

Сергушина вышла перед отрядом как-то по-балетному, мягко ступая на цыпочках, повернулась, показывая себя, и улыбнулась, будто киноактриса. У нее были челка и два хвостика с желтыми пластмассовыми бабочками; губы она накрашила помадой, глаза и брови подвела черным карандашом.

— Как зовут? — спросила Ирина Михайловна.

— Анастасийка! — пропела девчонка.

Ирина Михайловна оглядела эту расписную кокетку и вздохнула. Не дело командиру отряда быть такой размалеванной, однако учителя в школе ведь утвердили Сергушину на ответственном посту командира — значит, есть за что. Следует доверять мнению коллег и потерпеть девчачьи глупости.

— Отряд согласен выбрать Настю? — спросила Ирина Михайловна.

— Я не Настя, я Анастасийка!

Девчонки зашушукались, а пацаны засмеялись.

— Все согласны, — подвела итог вожатая. — Сядь, Сергушина.

Анастасийка, красуясь, поплыла обратно.

— Но перед линейкой умойся, — сверкнула очками Ирина Михайловна.

Анастасийка, не оглядываясь, фыркнула, что означало: «Я так и знала!»

— Еще нам нужен высокий мальчик в знаменосцы, — продолжила Ирина Михайловна. — Веня Гельбич, как раз для тебя задание.

Гельбич был на полголовы выше всех.

— Не, я не хочу, — отперся он.

— Давай не возникай! — одернула его Ирина Михайловна. — У Игоря Александровича в комнате возьмешь флаг, пилотку и ленту через плечо.

— Да бли-ин!.. — расстроился Гельбич.

— А еще надо название отряда, девиз и речевку.

Валерка подумал, что есть колдовство детей: Чёрная комната, Беглые Ээки, разные там Гробы-на-Колесиках, Автобусы-Мясорубки и Синие Ногти. А есть колдовство взрослых: командиры отрядов, знамена, звезды, девизы. Детское колдовство — оно, наверное, для страха: чтобы не открывали дверь, кому попало, чтобы не уходили куда-нибудь с незнакомцами, чтобы не ели неизвестную еду. А для чего колдовство взрослых? Чтобы сделать вид, будто все дети — пионеры, «всегда готовы», «дружные, умелые, честные и смелые»?

— У кого какие варианты названия? — Ирина Михайловна встряхнула отряд строгим взглядом. — Ну, где инициатива?

— Да ваще никак не надо называть! — Гельбич в досаде дернул плечом. — Четвертый отряд — и все понятно! Все равно название никто не запомнит!

— А если бы тебя самого никак не назвали, тебе бы это понравилось? — с назиданием поинтересовалась Анастасийка.

Пионеры засмеялись, а Гельбич презрительно скривился: видимо, такой вариант его вполне устраивал.

— Будут предложения поумнее? — недовольно спросила вожатая.

— Давайте назовем «Роза Экстаз», — сказала Анастасийка.

— Розовый унитаз, — тотчас сказал кто-то из пацанов.

— Это что такое? — удивилась Ирина Михайловна.

— Очень красивый цветок, — мечтательно объяснила Анастасийка. — Его на Восьмое марта девушкам дарят.

— У нас не Восьмое марта, — отвергла вожатая. — Короче, отряд будет называться «Данко». Девиз — «Гори так ярко, как сердце Данко!»

— В прошлую смену отряд так назывался, — напомнил Серёжа Домрачев.

— И чем плохо, Домрачев?

— Да хоть как назовите! — Серёжа почему-то обиделся и отвернулся.

— Речевка такая, запоминайте: «Возьми свое сердце, зажги его смело, отдай его людям, чтоб вечно горело!» Итак, давайте потренируемся...

Эту дурацкую речевку они настойчиво повторяли всем отрядом, пока шли от своего корпуса к Дружинной площадке. Ирина Михайловна следила за девочками, Игорь Александрович контролировал мальчиков. Анастасийка вышагивала впереди, словно была невестой, а отряд нес ее длинную фату. Веня Гельбич уныло плелся за Анастасийкой, будто жених поневоле; он был в пилотке и с алой лентой через плечо; знамя он нес, как весло.

Дружинная площадка на самом деле была волейбольной площадкой, по периметру ее окружали гравийные беговые дорожки. Шесть пионерских отрядов выстроились на гравии ровными прямоугольниками. Небольшая группа взрослых во главе со старшей

пионервожатой расположилась так, чтобы не быть ни к кому спиной. Парень-радиотехник подтащил стойку с микрофоном. Провода тянулись к ящикам с дискотечными колонками.

— Здравствуйте, ребята! — грянул из динамиков бодрый голос Свистухи. — Приветствуем вас на лучшей смене этого года — на Олимпийской смене!

По отрядам прошелестело легкое волнение.

— Расскажите всем о себе! — призывно прогремела Свистуха.

Вожатая первого отряда тихо скомандовала:

— Три... четыре!

— РИТМ! — гаркнул первый отряд.

— Девиз! — скомандовала вожатая.

— Романтики! Искатели! Творители! Мечтатели!

— Речевка... Три... четыре!

— Решать! Искать! Творить! Мечтать! В ритме века быть человеком!

Из кустов акаций вокруг площадки прыснули перепуганные птички.

— Комета! — так же, как первый, проорал и второй отряд. — У кометы есть девиз: никогда не падать вниз! Комета на небе, а мы на земле! Да здоровствует счастье всегда и везде!

— Алые паруса! — подхватил третий отряд. — Ветер дует в паруса, детство верит в чудеса! Плыви всегда, плыви везде и путь найдешь к своей мечте!

— Три... четыре! — прошептала и Ирина Михайловна.

— Данко! — взревел Валеркин отряд. — Гори так ярко, как сердце Данко! Возьми свое сердце, зажги его смело, отдай его людям, чтоб вечно горело!

Затем завопили свое и пятый отряд, и шестой. В смысл названий, девизов и речевок никто не вдавался. Главное было — чтобы прозвучало в лад. Какой отряд переорет всех — тот самый козырный. Вернее, наоборот: какой отряд будет кричать хуже всех, тот и чмошный.

— Отлично! — одобрила старшая вожатка. — Теперь и нам надо назвать себя. Знакомьтесь, ребята!.. Самый строгий человек нашего лагеря — старший воспитатель Родионова Марина Федоровна! Похлопаем!

Отряды похлопали старшей воспитке, которая в ответ помахала рукой, а потом похлопали Колыбалову Николаю Петровичу — директору лагеря, Захваткину Руслану Максимычу — физруку и Носатову Валентину Сергеечу — доктору. Запомнить имена-отчества и должности никто и не пытался.

— А вот самый главный человек в нашем лагере! — Свистуха повернулась к сухопарому старику в пионерском галстуке. — Это Серп Иваныч Иеронов!

Отряды заинтересованно ждали разъяснений.

— Серп Иваныч — ветеран Гражданской войны! Он пенсионер союзного значения! — Свистуха обвела отряды восторженным взглядом. — Над таким вот замечательным человеком наша дружина берет свое шефство! Салют!

Свистуха вздернула руку ко лбу, и все отряды тоже отсалютовали.

— Серпу Иванычу мы предоставляем почетное право поднять флаг Олимпийской смены! Ваше слово, товарищ Иеронов!

Высокий Серп Иваныч чуть склонился к микрофону.

— Здравствуйте, ребята, — просто сказал он. Голос у него был густой и красивый. — Надеюсь, я вам тут в лагере мешаться не буду. Видели, наверное, голубой домик с красной крышей? Это моя дача. Вот такой я помещик. Заходите в гости, угощу чаем с печеньем.

Пионеры нерешительно засмеялись. Никто, конечно, и не думал вот так запросто завалиться в гости, но за приглашение, как говорится, спасибо.

Валерка стоял в первом ряду и неплохо рассмотрел старикана. Вроде, добрый.

Седые волосы коротким ежиком, короткая белая щетина бороды и усов, резкие морщины. Костлявый, немного сутулится, но крепкий.

— Серп Иваныч участвовал в революции и освобождал наш город! — сбоку крикнула в микрофон Свистуха.

— Да вы уж, наверное, и не помните про эти события, — смущенно сказал Серп Иваныч, заранее извиняя пионеров.

— Помним! — зашумели отряды: приятно было оказать уважение такому дружелюбному и скромному человеку.

— А кто освобождал наш город, ребята? — опять влезла Свистуха.

— Чапаев! — воодушевленно закричали со всех сторон.

Чапаева-то не забудешь: возле куйбышевского драмтеатра громоздился большой памятник — Чапай на коне и куча всяких солдат с винтовками.

— А кого прогоняли? — лукаво спросил Серп Иваныч.

— Белых!

Понятно, что белых, а не фиолетовых. Но белые-то были разные. Для Валерки давняя Гражданская война была прекрасной и героической сказкой, от которой щемило сердце. Валерка много читал о том времени.

— Прогоняли интервентов, — негромко сказал он.

Иеронов, конечно, не услышал Валерку, но его услышала Анастасийка Сергушина, командир Валеркиного отряда. Анастасийка стояла на полшага впереди строя, чтобы ее все видели.

— Интервентов! — звонко крикнула она.

— Ого! — удивился Серп Иваныч. — Ну-ка, девочка, я к тебе!

Он обогнул микрофон и, улыбаясь, направился к Анастасийке через пустое пространство Дружинной площадки. Отряды настороженно затихли, наблюдая. Никто не знал, зачем старик поперся к пионерке.

— Шас по шее даст, — предположил Славик Мухин.

— Зря мы эту дуру выбрали! — забормотал соседям по строю Колька Горохов. — Девка-командир — фиговая примета! Дежурить заставят!

Иеронов приближался, грозно заслоня собой весь мир.

— Это не я, это он сказал! — глядя на старика, оробевшая Анастасийка быстро перевела вину на Валерку. — Вон тот, в очках!

Валерка одеревенел. Эх, надо было молчать!.. Ничего хорошего не бывает, когда высываешься со своим мнением!

Серп Иваныч подошел к Валерке и положил ему руку на плечо.

— Молодец! — негромко и с чувством похвалил он.

Валерка взглянул в темные глаза старика, и почему-то у него захолонуло сердце. Печальные глаза Серпа Иваныча словно бы видели все на свете. В них таилась бездна, будто он, Валерка, смотрел в телескоп, проваливаясь в высокую пропасть ночного неба, только в той пропасти не было мерцающих звезд — один лишь черный дым. Наверное, дым Гражданской войны.

— Мы вместе флаг поднимем, — оборачиваясь, объявил отрядам Иеронов.

Отряды взволнованно загудели: повезло же очкарику!.. Серп Иваныч взял Валерку за руку, как внука, и повел к мачте, что была вкопана на краю площадки. Валерка чувствовал, что весь лагерь смотрит на него.

Вдоль мачты на роликах был натянут трос, а к тросу прицеплено красное знамя. Старшая вожатка незаметно подала знак радиотехнику, и в динамиках вдруг пронзительно затрубили горны и загрохотали барабаны.

— Тяни веревку, — усмехнулся Серп Иваныч. — Не бойся.

Валерка начал перебирать трос, и красный флаг поехал в высоту. На верхушке мачты он развернулся и заполоскался в яркой солнечной синеве. Все пацаны и все девчонки пионерлагеря «Буревестник» смотрели на знамя, задрвав головы.

Пятиконечные звезды, клятвы и всякие буденновки давно превратились в надоевшую, бессмысленную и обязательную глупость — и для детей, и для взрослых, но в поднятом флаге все равно сохранялось что-то честное, чистое, настоящее. Как в городских голубях, которые роются в помойках и клюют на тротуарах шелуху семечек, — но могут вдруг полететь.

— Будь готов! — крикнула Свистуха, вздернув руку в салюте.

— Всегда готов! — в раскат отозвались отряды.

Валерка возвращался в строй, ощущая, как весь лагерь завидует ему. Валерка встал на свое место между Славиком Мухиным и Юриком Тонких и попытался превратиться в никого, чтобы на него перестали пялиться.

— Зашибонско, Валерьяныч! — жарко зашептал ему сзади Титяпкин.

Валерка понял, что Титяпа уже расхотел устраивать махач с человеком, который внезапно овеялся такой славой. Себе дороже будет.

Глава 7. Темное время суток

Жизнь — вещь парадоксальная. Чтобы сохранить хотя бы относительную самостоятельность, человеку надо быть в роли ведомого, то есть того, кто, по идее, вовсе не имеет никакой самостоятельности. Беречь то, чего нет, — абсурд. Но Игорь привык к абсурду. Призывают же беречь идеалы коммунизма, и никто не спятил от удивления. В общем, отрядом командовала Ирина, а Игорь для сохранения самостоятельности просто выполнял ее указания.

А для Ирины все было просто и прекрасно. Она выросла в каком-то колхозе, и теперь управляла подчиненными с крестьянской нерассуждающей хозяйственностью. Чем занять детей? Да чем угодно: в лагере полным-полно кружков, секций и подготовок к разным соревнованиям! Как разобраться в детях? А чего тут сложного? Высокий — на волейбол, крикливый — в хор, умный — пускай играет в шахматы, кривляется — тогда в театральный кружок, а если пойман со спичками или нарушает режим, то грабли в руки и вперед — на уборку территории. Главное — проследить, чтобы никто не отлынивал.

Ирина заявлялась в корпус еще до того, как по трансляции звучал горн из «Пионерской зорьки», который возвещал побудку, и уже не покидала отряд до самого отбоя. Перед отбоем она проводила на веранде «свечку» — общее собрание для обсуждения итогов дня. По замыслу, пионеры должны были передавать друг другу зажженную свечу; кто держал ее — тот высказывал свои впечатления о прошедшем дне. Однако директор лагеря Колыбалов из противопожарных соображений запретил палить огонь в деревянных домах, и свечу отменили. А итоги Ирина оглашала сама, без помощников. Она полагала, что если давать слово каждому желающему, то пионеры до подъема спать не упихаются, а могут и разодраться.

Все детали дня Ирина помнила с точностью разведчика.

— Кривошеин сегодня в столовке кашей кидался — завтра будет в палате подметать, — сказала она. — У Сергушиной завтра Совет дружины в десять. Потапова, в рваных колготках на линейку не пушу. Цыбастов, я слышала от тебя матерное слово. Еще раз — и пишу заявление в милицию, понял?

— Гурьянов обещал ночью из лагеря сбежать, — нажаловались девочки.

— Игорь Александрович, проверьте ночью Гурьянова, — властно повелела Ирина. — Если он не будет в койке — выгоним из лагеря за нарушение режима. Все, делайте «орлятский круг», и пора в палаты.

«Орлятским кругом» назывался пионерский ритуал, когда все вставали в круг, обнимали друг друга за плечи и хором негромко говорили какие-нибудь обещания или пожелания. Или же пели что-нибудь воодушевляющее.

Четвертый отряд, потолкавшись, выстроился вдоль стен и обнялся. Игорь с одной стороны положил руку на плечи Титяпкина, с другой стороны — на плечи Маше Стяжкиной. Мальчики стеснялись обниматься с девочками, поэтому Игорь и Ирина разделяли их собой.

— День пролетел, и лагерь спешит ко сну, — забубнили все.

— Доброй вам ночи, наши ребята, — как-то интимно сказали девочки.

— Доброй вам ночи, наши девчата, — зажато сказали мальчики.

— Доброй вам ночи, вожатые наши, — хором сказали опять все. — Завтра нам в трудный путь! Начинаем операцию «Т-с-с!»

Пионеры с облегчением освободились друг от друга и предостерегающе зашипели, прижав к губам указательные пальцы.

Это действие казалось Игорю жгучим фальшаком. «Орлятский круг» подразумевал, что пионерская жизнь — бескомпромиссная и опасная борьба, которая сплачивает борцов как братьев. Игоря ошпаривала неловкость, и тянуло яростно чесаться. Он и почесывался, пока загонял пацанов в палаты.

В каморке вожатых Саша тоже готовился укладываться. Это летом-то, в десять вечера!.. Наверное, в детстве Саша был очень послушным ребенком, плотно охваченным строгой опекой родителей, и до сих пор не избавился от привычки все делать правильно. А Игорь хотел почитать в кровати. Но, как известно, по сигналу «отбой!» наступает темное время суток.

— Ты сможешь уснуть при свете? — спросил Игорь.

— Нужно уважать правила общежития! — ответил Саша.

Ясно: чтение обломилось. Сидеть с книжкой на веранде Игорь не желал. Он обреченно вышел на крыльцо и достал сигарету. Никакую подругу Игорь в лагере еще не завел, потому оставалось лишь гулять в одиночестве.

За соснами, за Волгой догорал закат; в его угасании томила сплошная эротика: стыдливая горячая краснота и движение вниз, к постели... Сквозь мягко слепящий багрянец черные сосновые стволы, как швартовочные тросы, подтягивали синее небо к мохнатому причалу земли. Было жарко, будто в машинном отделении теплохода возле только что выключенного дизеля.

Игорь шагал по длинной Пионерской аллее, сам не зная куда. На Волгу, наверное, куда еще здесь можно было пойти? Фигурные терема корпусов, угловатыми частями утопая в зыбком сумраке, внезапно обозначали себя среди кустов пунцовыми отражениями заката в оконных стеклах. В третьем корпусе одно окно было открыто, и до Игоря донеслось пение девочек:

— Не слышны в са-аду даже шо-ра-хи, все здесь за-ми-рло да утра-а...

Это был настоящий вечер, без всяких дурацких пионерских заморочек.

В акациях за стендом «Слава победителям!» кто-то ворочался и хихикал.

— Ну-ка вылезай! — останавливаясь, строго приказал Игорь.

Из зарослей выбрались две девчонки — обе из второго отряда. Одну из них Игорь уже знал. Она была главной звездой физрука Руслана и главной проблемой вожатки Леночки. Звали ее Жанкой Шалаевой. В нее, наглуую, большеротую и глазастую, потихоньку влюблялись все старшие пацаны. Девочкой она была дворовой и, очевидно, понимала о жизни больше, чем следует в ее возрасте. Ее подругу, мрачную хулиганку, звали, кажется, Олей.

— Нарушаем режим? — прищурился Игорь.

— Ой, только не говорите Ленке, Игорь Саныч! — кокетливо ответила Жанка, ничуть не смущенная.

Вожатая уже была для нее Ленкой, и она уже выучила, как зовут всех мужчин в педколлективе. Н-да, оторва не пропадет.

— Живо в корпус! — сурово сказал Игорь. — Через десять минут проверю!

Девочки недовольно фыркнули, развернулись и улезли обратно в кусты.

Игорь пошел дальше. Над аллеей, вздрогнув, зажглись фонари. Небо сразу погасло; кроны сосен, подсвеченные снизу, превратились в медленно клубящийся потолок; пространство за стволами деревьев исчезло; акации выступили из темноты плотными кущами белой, как бумага, листвы.

Поодаль, у пищеблока, под тусклой лампочкой над служебным входом судомойка баба Нюра кормила обедками лохматого пса.

— Е-эшь, не бойся, — бормотала она. — Е-эшь, Мухтар, не о-отниму...

У бабы Нюры половина лица была перекошена параличом, и пионеры передразнивали ее гримасу, поэтому баба Нюра была злая и на всех орала. Игорь удивился тихой добротой, с которой баба Нюра возилась с псиной.

Игорь обогнул Дружинный дом с тыла, чтобы никто его не увидел: не поощрялось, когда вожатые покидают территорию лагеря. На заднем дворе на лавочке сидели Наталья Борисовна, старшая вожатая, и Руслан Максимыч, физрук. Стараясь не шуметь, Игорь прокрался у них за спиной.

— Хочу такую же дачу, как у Ероныча, — негромко призналась Наталья Борисовна, положив голову на плечо Руслана. — Клубнику буду выращивать.

— Проживи сто тысяч лет, как Еронов, и дадут.

— Может, мне родить, Руслик? Тогда квартиру из фонда выделят.

— Пока в декрете торчишь, место в горкоме потеряешь.

— А если на полставки там остаться?

— С полставкой на квартиру не рассчитывай, — вздохнул Руслан.

Наталья Борисовна тоже вздохнула. Столько хороших возможностей — работа, квартира, ребенок, — но одно исключает другое. Надо выбирать. И это трудно. Заводной комиссаршей Наталья Борисовна была только на работе.

Игорь дошел до ворот пионерлагеря, размотал ржавую проволоку на замочной петле и приоткрыл створку из железных труб. На постаменте, конечно, по-прежнему возвышалась призрачная горнистка. Дошатая полоса пирса, светлея, уходила в темноту Волги. Река дышала в лицо свежестью.

Игорь пошагал по пляжу подалее от входа в лагерь. Под ногами с хрустом продавливался песок. В небе висел узкий серпик нарождающейся луны. Игорь всей душой ощущал, что рядом с ним простирается огромная и плоская пустота бесконечного плеса — будто невидимое высоковольтное напряжение вдоль воздушной линии электропередачи. Так звучала Волга. Ее мистическое притяжение увлекало за собой, обрывая все привязи жизни.

От Волги лагерь был отгорожен сетчатым забором. Доступ к реке был самым непоколебимым запретом «Буревестника». Историями про утонувших детей начальство пугало вожатых куда сильнее, чем сами вожатые пугали детей историями про всякую нечисть, убивающую пионеров по ночам. Игорь невесело усмехнулся. То, что интересно, всегда оказывалось недопустимым. Нельзя купаться в реке. Нельзя ходить в лес. Нельзя соблазнять девушек. А что тогда делать? Смотреть Олимпиаду по общему телевизору?

Игорь сел на бревно, выброшенное водой и полузанесенное песком. Сзади за соснами горели фонари Пионерской аллеи. Впереди на реке еле тлели алые искры бакенов. Угасающая синева волшебной линией очертила дальние кручи Жигулей. По фарватеру шел круизный лайнер. Он казался освещенным изнутри, точно аквариум. Сквозь телепатический шепот течения доносилась неясная музыка. Люди плыли навстречу каким-то удивительным впечатлениям, танцевали на палубе, пили вино, шутили и смеялись, а он, Игорь Корзухин, был на все гайки и контргайки привинчен к пионерлагерю, к летней практике, к высшему образованию, к трудовой биографии...

А где-то луна серебрила исполинские щербатые грани древних пирамид. Океанский ветер трепал обрывки такелажа на мачтах Летучего Голландца. Неведомая сила поджидала самолеты в ловушке Бермудского треугольника. Ряды бессловесных

каменных истуканов вглядывались в горизонт с берега острова Рапануи. Драконья челюсть Стоунхенджа скалилась разбитыми зубами. В Непале косматый снежный человек, стоя на четвереньках, нюхал следы альпинистов. В холодной глубине озера Лох-Несс бесплотно скользила тень юрского плезиозавра. Космическая навигация пустыни Наска навеки застыла в скрещении таинственных дуг и биссектрис. Джунгли корнями медленно раздирали на куски заброшенные города индейцев майя. Стаи разноцветных рыб вились меж колоннад затонувшей Атлантиды. Ничего этого ему, Игорю Корзухину, никогда не увидеть. Почему? А по кочану.

Сзади зазвенела сетка забора. Игорь оглянулся. Кто-то ловко перелезл через ограду. Нет, не ребенок. Взрослый человек — но стройный и гибкий. Что за гимнаст вдруг выискался?.. Игорь изумился: это была девушка, но стриженная под мальчика. Вероника. Вожатая из третьего отряда, в котором другим вожатым был Саша, сосед Игоря по комнате.

Вероника вышла на пляж, делая вид, что не замечает Игоря. Игорь сразу понял, что в этом пренебрежении заключается вызов — конечно, не лично ему, а всему миру. Всем «нет», «нельзя» и «никогда». Вероника сбросила обувь, извиваясь, спустила джинсы, через голову стащила футболку, а потом, заломив руки, бесстрашно расстегнула лифчик. Слабая луна еле освещала ее бледную грудь. Игорь остолбенел: не мог пошевелиться или хотя бы отвести глаза. Боязливо расставив руки, Вероника в одних трусиках осторожно ступила в воду, добралась до глубины по пояс, легла и поплыла от берега.

Игорь наблюдал, как она сделала круг и вернулась. Она вышла из воды вся блестящая и по-прежнему не прикрывала грудь руками. У Игоря в уме все смешалось: сейчас надо было небрежно уронить какое-нибудь саркастическое замечание, или, наоборот, выразить понимание и одобрение, или хотя бы предложить сигарету, а он молчал, как каменный истукан на острове Рапануи. Белая грудь Вероники заворожила его, заворожил этот странный и дерзкий поступок — искупаться полуголой назло всему, и пускай даже никто не увидит этого, а потрясенный остолоп не в счет. Вероника быстро обтерлась футболкой и принялась одеваться.

А потом она пошла обратно к забору, перелезла через сетку и скрылась за кустами. У Игоря же осталось безумное ощущение, что ни с того ни с сего он вдруг потерял все на свете. Или, может быть, все на свете обрел.

Глава 8. Оскал олимпийского мишки

Дружинный дом был двухэтажным щитовым бараком, построенным лет тридцать назад как совхозное общежитие — тогда деревня Первомайская еще худо-бедно процветала. Теперь в Дружинном доме располагались жилые комнаты старшей пионервожатой, физрука и старшего воспитателя, а также кружковые комнаты, радиоузел и почти священная Знаменная комната. На первом этаже находился кинозал с затемненными окнами. Туда можно было запихать человек шестьдесят-семьдесят, поэтому фильмы в лагере менялись раз в три дня, чтобы их посмотрела вся дружина. Сегодня был вечер третьего и четвертого отрядов. Игорь, Ирина, Саша Плоткин и Вероника сидели в последнем ряду, и к ним присоседились физрук Руслан и Свистунова.

Радиотехник Саня крутил скучное документальное кино про подготовку к Олимпиаде, но старшая вожатая пообещала, что потом будут мультики, и недовольные зрители терпели, тихо переговариваясь в ожидании зрелища. Стрекотал киноаппарат; в темноте над залом светился расширяющийся дымный луч, в котором мелькали цветные тени, и ребячьи макушки делались то синими, то красными, то желтыми.

— Угадajte загадку, пацы, — заелозил Лешка Цыбастов из второго, не Валеркиного звена. — В темной комнате на белой простыни полтора часа удовольствия! Что это?

— Отвянь, все знают! — пробурчал Венька Гельбич.

— Ну-ка прищемились там! — строго одернул болтунов физрук Руслан, потом склонился к уху Саши Плоткина и уважительно прошептал: — Не понимаю, как ты ваще этих дэбиллов в шахматы учишь? Молоток!

Саша пожал плечами: дескать, что свыше дано, того умом не постичь.

Валерка внимательно смотрел на экран. Ему, в отличие от прочих, было интересно. Столько всего приготовили для Олимпиады!.. Валерку поражала странная инопланетность новых спортивных сооружений: чаши стадионов напоминали метеоритные кратеры, а велотрек в Крылатском был подобен фантастическому поселению на Луне; многоногим марсианским крабом растопырился стадион «Дружба», и на него неудержимо пер Дворец спорта «Динамо», похожий на старинный танк. На стекляннo-ячеистом вогнутом парусе гостиницы «Космос» дробно полыхало солнце. Блестели вереницы прозрачных и элегантных автобусов «Икарус». Пышно били белопенные фонтаны. Реяли стаи пестрых флагов. Но сильнее всего Валерку впечатляли спортсмены. Они дружно шагали рядами и колоннами и белозубо улыбались кинооператору. Валерка рассматривал лица атлетов — простые, открытые и мужественные. Спортсмены были как солдаты на параде: им ведь и вправду предстоял бой, жестокая схватка на пределе возможностей.

Валерка завидовал спортсменам. Конечно, не их силе. Он завидовал тому, что у спортсменов были команды, на которые можно положиться во всем, и команды не подведут. А у него, у Валерки, своей команды не было. И надеяться не на кого, и выкладываться не для кого. Что объединяет его с Титяпой или Колькой Гороховым? Палата в корпусе? Желание посмотреть мультики? Это не по-настоящему. Настоящего единения Валерка не встречал никогда. Дружба — не то. Дружба — это когда тебе интересно с твоим другом, когда вы похожи. А команда — когда все разные, но вместе делают одно дело, которое нужно всем, и это дело не сделать в одиночку.

Лёва Хлопов тоже не отрывал взгляд от экрана.

— Ринат Дасаев!.. — восхищенно бормотал он, узнавая футболистов олимпийской сборной. — Черенков идет!.. Бессонов!.. Гаврилов!..

Документалка наконец-то закончилась, зал облегченно зашумел, и Саня поменял бобины: началось время мультиков. Правда, мультики тоже были про Олимпиаду. Назывались они «Баба-Яга против!» Цыганистая Баба-Яга, тощий Кощей в пальто и короне и мелкотравчатый Змей Горыныч пытались всячески напакостить пухлому Олимпийскому Мишке, но от недотепистости путались и мешали друг другу: ничего у них, придурков, не получалось. В общем, было смешно. Отряды разошлись по корпусам удовлетворенные.

Ирина Михайловна быстро провела «свечку».

— Гурьянов и Титяпкин, кто болтал на фильме? — Ирина Михайловна взглядом испепелила нарушителей тишины. — Хотите в следующий раз в корпусе сидеть, пока нормальные кино будут смотреть?

Затем четвертый отряд сцепился в «орлятский круг».

— День пролетел, и лагерь спешит ко сну, — забубнил Валерка вместе со всеми. — Доброй вам ночи, наши девчата... Доброй вам ночи, вожатые наши... Завтра нам в трудный путь!.. Начинаем операцию «Т-с-с!»

Валерка терпеть не мог этого кривлянья. Какого фига они так задушевно прощаются? Никто же не сдохнет ночью! И они тут друг другу не родня! Валерка даже с мамой и бабушкой перед отъездом в лагерь так пылко не обнимался и к маленькой сестренке не проявлял такой нежности!..

В палате пацаны разобрались по койкам, Горь-Саньч выключил свет и закрыл дверь. Пацаны тотчас вскочили и схватили полотенца. Перед сном требовалось

перебить комаров, сколько можно, иначе заедят. Отхлестав по стенам, а заодно и друг по другу, пацаны снова улеглись. Теперь можно было приступить к обсуждению дня — настоящему, а не такому, как на «свечке». Комары, переждав суматоху, потихоньку раззвенелись, как прежде.

— Мультки дрянские были, — заявил Гурька. — Не ржачно нисколько.

— А кино интересное, — сказал Лёва. — Я бы съездил в Москву позырить на Олимпиаду. Или хотя бы на футбол.

— В Москву никого не пускают, — возразил Серёжа Домрачев. — Все поезда идут в обход.

— А людям приехать как? — удивился Титяпкин.

— Жопой об косяк, — буркнул Славик Мухин.

— А зрителей для соревнований где возьмут?

— Все зрители — переодетые мильтоны и солдаты, — авторитетно поведал Серёжа. — В Москве во всех школах летом солдат поселили. А стадионы новые построили, чтобы в стенах сделать незаметные окошки, через которые солдатам можно из винтовок стрелять, если что.

Пацаны мрачно задумались. Да, похоже на правду. Олимпиада ведь — та же война, только как бы врукопашную и не до смерти.

— Иностранцы всякие диверсии приготовили, — сказал вдруг робкий Юра Тонких. — Они об этом давно уже целую книгу написали. Кто надо — читал.

— Откуда знаешь? — не поверил Славик Мухин.

— От папы.

Вообще-то нормальные пацаны на слова родителей не ссылались. Это считалось по-салабонски: все равно, что в школьной ссоре звать на помощь учительницу. Однако в данном случае можно было сделать исключение из правил, и даже Колька Горохов, вздохнув, промолчал.

— Там в той книге написано, что иностранцы будут дарить футболки с Олимпийским Мишкой, — продолжил Юрик. — Так-то Мишка нормальный, а когда постирают — краска облезет, и он оскалится зубами, как собака.

— Т-щ-щетка! — восхитился Гурька. — Мне бы такую футболку!

— А еще там написано, что будут дарить жувачки, а внутри — бритвочки. А негры через стаканы в газировочных автоматах будут заражать болезнями. И джинсы будут продавать, а в швы там защиты микробы.

От переполнивших чувств Гурька заметался у себя в койке.

— А че никто их не поймает? — обиделся Титяпкин. — Они же вредят!

— Папа говорил, что по ночам в Москве мильтоны будут трясти деревья и собирать в баночки жуков, которые упали. Потом их отдадут в медицинский институт и сделают прививку. Но это ведь не сразу.

Коварство иностранцев поразило пацанов, и Валерку тоже. Правильно в мультке было показано, что «Баба-Яга — против». Один только Лёва Хлопов остался недоволен. Он приподнялся на локте, глядя на Юрика. Диверсии — диверсиями, но футбол-то не надо сюда замешивать!

— А про футбол что-нибудь написано, Юрик? — спросил он.

— Написано, что иностранные футболисты везут коробочки с блохами. Выпустят на наших, наши станут дергаться и чесаться — и проиграют.

Лёва немного успокоился и лег щекой на подушку.

— Из-за блох-то не проиграют, — убежденно сказал он. — Блохи — фигня.

Пацаны смотрели в потолок и размышляли о трудностях жизни. Сосны за окном были подсвечены синими фонарями Пионерской аллеи.

— Надо нам футбольную команду собрать, — твердо решил Лёва.

Глава 9. «Собакам на драку!»

Распорядок дня был начертан на больших стендах, установленных возле столовки, перед Дружинным домом и на Пионерской аллее. Время между «трудовым десантом» и обедом предназначалось для занятий в кружках и секциях, для тренировок и репетиций. На стенде этот период был снабжен стихотворным пояснением: «Раз пришел веселый час, так играйте все у нас!»

Игорь Саньч вел мальчишек своего отряда на стадион играть в футбол.

— Старшаки говорили, что в прошлом году вместо стадика был бассейн, — на ходу рассказывал Серёжа Домрачев. — Только однажды девки купались там после пацанов, и одна от воды сделалась беременной. Начальника лагеря чуть в тюрьму не посадили. Он приказал закопать бассейн.

Пацаны, если честно, не очень-то представляли, как у девок происходит процесс беременности. Для пацанов драматическая история преобразования бассейна в стадион выглядела вполне правдоподобно. Жизнь трудна.

— Не было никакого бассейна! — не очень уверенно возразил Гельбич, но на него никто не обратил внимания.

Каждую смену в лагере проводился футбольный чемпионат. В нем всегда побеждала команда старшего отряда — первого или второго. Команды старшаков состояли из таких БЕЛАЗов, одолеть которых никто не мог. Но Лёва Хлопов, вооруженный теорией футбола, дерзнул сломать эту традицию.

— В футболе важны не мускулы, а мозги, — убежденно говорил Лёва пацанам из своей палаты. — Когда игроки умелые, а команда сплоченная, можно сокрушить любого соперника. Главное — навыки и воля к победе.

Воля к победе имела у всех, а навыками Лёва обещал снабдить.

— Я такие приемчики знаю — любого обведете, — заверил он.

Лёва вступил в переговоры с Игорем Александровичем. Игорю очень понравился замысел Лёвы. Игорь, в общем, не знал, чем занимать пионеров, когда ему как водителю надо их чем-нибудь занимать. Да и скучно было следить за играми детей, когда сам уже вышел из детского возраста. С собой в лагерь Игорь прихватил пару книжек фантастики. Можно почитать, пока мальчишки поглощены своим делом и не нуждаются в надзоре.

Игорь отыскал Руслана, главного физрука и хозяина стадиона.

— Слушай, выдели мне поле раз в день на час, — попросил он.

— На кой?

Игорь объяснил. Руслан легко согласился: если стадион занят другими, то и ему работы поубавится. Но на всякий случай он предупредил:

— Там одни ворота шатаются. Если твои дэбилы повалят их — сам вкапывать будешь.

Лёва запланировал ежедневные матчи между своим звеном и звеном Веньки Гельбича. В этом противоборстве Лёва рассчитывал оценить качество всех игроков, чтобы потом организовать отрядную сборную из одиннадцати человек. На чемпионате в конце смены эта натренированная команда вышла бы против «белазов». И тогда выяснится, что важнее: интеллект или сила.

Узнав об инициативе Игоря, Ирина разъярилась.

— Это не занятия с детьми! — прошипела она. — Ты, Игорь, таким образом просто отлыниваешь от обязанностей!

— У нас же олимпийская смена! — демагогически ответил Игорь.

А пацаны дружно поддержали идею. Футбол-то интереснее, чем уборка шишек на «трудовом десанте», репетиции спектакля в защиту мирного неба или написание писем иностранцам в Школе Интернациональной Дружбы.

— Нечестно! — сразу разоралось звено Гельбича. — Нас семь, а вас восемь!

— Я могу не играть, — робко предложил Юра Тонких.

— Хорошо, Юрик, будешь запасным, — охотно согласился Лёва.

Все равно от этого стручка никакой пользы.

А Валерку футбол не воодушевлял. Комары ночью так свирепствовали, что Валерка почти до рассвета отмахивался и чесался, а потому совсем не выпался. Шагая к стадиону, он думал о том, что сегодня надо соорудить над собой крышу из простыни, натянув ее на спинки кровати. Не напрасно же он занял место в углу палаты, где удобнее всего делать «домик» от кровопийц.

Крепко утопанный стадион окружали длинные лавочки для зрителей. Разметки на поле не имелось. Ворота стояли пустые — просто два столба и перекладина. Игорь Александрович вывел пацанов на стадион.

— Все! — он беспомощно развел руками. — Больше ничем помочь не могу.

В футболе Горь-Саньч ничего не понимал и не скрывал этого.

— Дальше я сам, — солидно ответил Лёва.

Пока болваны Гельбича нагоняли мяч на ногу, Лёва занялся теорией.

— Гурька, ты будешь вратарем, — сказал он.

— Нет! — завопил Гурька. — Я голы забивать хочу!

— Ты самый ловкий, — терпеливо объяснил Лёва. — Без тебя нам капец.

В душе Гурьки азарт боролся с тщеславием, и победило тщеславие.

— Ладно, — снисходительно согласился Гурька.

— Значит, слушайте дальше, — продолжил Лёва. — Серый и Колян, вы будете защитниками. Вы должны охранять наши ворота.

— А голы забивать? — заревновал Колька Горохов.

— Голы забивают нападающие.

— Делай меня нападающим!

— Все будут по очереди.

— Тогда давай считаться, чтобы по правилам было!

— По правилам — это меня слушать! Я капитан!

— Да зажрись ты своим футболом! — рассвирепел Горохов, ушел в сторону и от досады принялся пинать землю.

— Титяпкин и Мухин, вы нападающие.

— Я их всех снесу! — пообещал Титяпа. — Их всех отсюда в морг увезут!

— А мы с Валериком — полузащитники. Мы в середине поля.

Термин «полузащитники» Валерке не понравился. И защитником-то быть скучно, а тут вообще только половина задачи! Выходит, по-настоящему в футбол будут играть лишь Титяпа и Славик! Но спорить Валерка не стал.

— Подавайте мяч, Горь-Саньч! — распорядился Лёва. — Мы готовы.

Игорь Александрович вышел на поле и положил мяч посередине. С одной стороны к борьбе изготвилась команда Лёвы, с другой стороны — команда Венки Гельбича, у которого все игроки, не мудрствуя лукаво, были нападающими, и потому слитная кодла гельбичей выглядела куда более опасной, чем технично расставленная команда Лёвы. Игорь Александрович сунул в рот свисток, позаимствованный у физрука, и свистнул.

Гельбичи ринулись к мячу, Вовка Макеров точным ударом сразу послал его вперед, и гельбичи ломанулись напрямую, расшвыряв Титяпу и Мухина. Лёва отважно метнулся на перехват, повалив пару гельбичей, и Валерка тоже побежал куда-то наугад, еще не соображая куда. Колька Горохов трусливо отпрыгнул с пути гельбичей, Серёжа Домрачев затерялся в толпе врагов, и Лёха Цыбастов с разгона ударил по воротам Лёвиной команды. Гурька, вытянув руки, полетел в один угол ворот, а мяч пролетел сквозь другой угол. Гурька упал, вскочил и помчался за мячом, словно хотел отомстить ему, и чем быстрее месть свершится, тем незначительнее окажется поражение.

— Ладно, все нормально, — утешил своих бойцов Лёва. — Нельзя начинать с победы, это расслабляет, — Лёва тяжело вздохнул и осуждающе посмотрел на гельбичей: — А вы чего всем стадом атакуете? Игроки бывают разные: форвард, хавбек, голкипер, а у вас одни форварды! Так нельзя! Мы же общую сборную готовим, и против «белазов» будем играть одной командой. В ней у каждого своя задача. Ее надо отработать.

— Иди в жопу! — ответили Лёве наглые и торжествующие гельбичи.

Никто из своих пацанов Лёве ничего не сказал, но урок был усвоен: правила только мешают побеждать.

Гурька принес мяч и водрузил его в центре поля.

— Собакам на драку! — заявил он.

Игорь Александрович дал свисток. Снова вспыхнуло сражение. Славик Мухин и Титяпкин оставили свою зону ответственности у ворот и влились в общую свалку, и Лёве тоже пришлось присоединиться. Пацаны вопили, толкали друг друга плечами и отчаянно лягались, пытаясь попасть по мячу. Валерка, боясь разбить очки, бегал вокруг побоища, но не находил способа всунуться в него. Всех футболистов охватила ярость: плевать на команду, плевать на ворота, свои или чужие, главное — влечь кедом, чтобы мяч улетел куда-нибудь к черту! А мяч вдруг свечкой взмыл в воздух над толпой, потом рухнул вниз, и Лёва, подпрыгнув, боднул его лбом.

Мяч приземлился прямо перед Валеркой и запрыгал по полю. Валерка тотчас метнулся к нему, пнул и погнался перед собой, устремляясь к воротам гельбичей. В воротах, широко растопырив руки, в панике заволокло суетился Борька Подкорытов; лицо у него было белым. А толпа остальных футболистов понеслась за Валеркой, будто дворовая свора за кошкой.

— Стой, очкастый! Стой, пада! — кричали и чужие, и свои.

Титяпа первым настиг Валерку и поддал ему по пятке. Валерка зацепил ногой за ногу и растянулся на пузе. Толпа футболистов, бурля, прокатилась над ним, и кто-то наступил ему на руку. Битва закрутилась в штрафной зоне гельбичей и потихоньку ввалилась в ворота, затоптав Борьку Подкорытова.

— Это гол, гол! — орали из команды Лёвы. — Зассали, гады?

— Не гол! Не щ-щитово! — орали из команды Веньки. — Борзота!

Валерка поднялся и пошел с поля. Ему стало неинтересно.

Юра Тонких сидел на лавке рядом с Игорем Александровичем. Вожатый читал какую-то растрепанную книжку с цветастой обложкой.

— Иди, Тонкий, играй за меня! — зло приказал Валерка.

— Я не хочу...

— Иди, а то в ухо дам!

Юрик ползл на поле, а Валерка сел на лавку.

— Не любишь футбол, Лагунов? — искоса глянул на него Горь-Саньч.

— Люблю! — строптиво буркнул Валерка.

Сзади к ним подошел Валентин Сергеич Носатов — лагерный доктор.

— Угости сигареткой, Игорёк, — попросил он вожатого.

Валентин Сергеич возвращался в медпункт от Серпа Иваныча Иеронова — два-три раза в неделю Носатов навещал всесоюзного пенсионера, чтобы измерить давление. Иеронов — человек пожилой: восемьдесят лет, ровесник века, надо держать здоровье под контролем. А то умрет в пионерлагере, как Пальмиро Тольятти в «Артеке», и тогда врача попрут с работы.

Затягиваясь сигаретой, Носатов понаблюдал за игрой.

— Какой позор! — с чувством сказал он.

— Чем уж богаты, — пожал плечами Игорь Александрович.

— Веди их ко мне после матча. Надо бинтовать и зеленкой мазать.

На поле продолжалась битва. Растрепанная и орущая орава шарахалась от ворот

к воротам. Валерка понимал, что основа футбола — передачи, когда футболисты пасуют мяч друг другу, ловко избегая столпотворения, но сейчас никто не хотел уступать мяч, каждый жаждал завладеть им и заколотить гол самостоятельно. Вокруг вертящегося мяча кипело ожесточенное сражение. Пацаны будто фехтовали ногами, расшибая колени и голени своим и чужим. Мелькали красные китайские кеды и расшлепанные сандалии, летел песок из-под подошв. Использовать руки строго запрещалось, но в кутерьме пацаны поневоле отпихивали друг друга и орудовали локтями. Потеряв самообладание, Колька Горохов вцепился в Лёху Цыбастова.

— Ты че, тыгыдымский конь! — возмущенно завопил Лёха.

Титяпкин выдернулся с мячом из толпы и, хрипя, понесся на половину гельбичей, однако его догнали, и он исчез в куче-мале.

Гурьку в воротах от возбуждения разрывало на части. Гурька то бегал кругами, то подпрыгивал и повисал на перекладине, будто на турнике. Если кто-то из гельбичей пробивался на линию атаки, Гурька в полуприсяде скакал перед ним в штрафной зоне и бешено кричал, как герой на расстреле:

— Давай! Давай, сволочь!

А Лёва Хлопов вкладывал в борьбу всего себя без остатка, хотя можно было чего-нибудь и оставить. Лёва играл умело и ловко: подрезал, обводил, легко отнимал мяч, уворачивался оборотом и делал финты. Но бедой Лёвы была самоотверженность. Лёва желал показать класс и вовлечь в игру всех, кто был в его команде. Он щедро раздавал пасы, прострелом или навесиком отправляя мяч товарищам. Он отважно бросался в самую гущу рубилова, не щадил себя, прикрывал своих пацанов от ударов гельбичей и часто падал, оставаясь в корчах одиноко лежать на земле, когда толпа убегала прочь, но потом мужественно поднимался и, хромя, снова рысцой спешил наперерез орде противника. Он задыхался. Его колени кровенели ссадинами, его майка и растянутые триканы были перепачканы землей, его волосы растрепались, языки на его кедах вывалились. В общем, Лёва играл благородно — не на жизнь, а насмерть. На поле он был «один за всех», но увы, увы: эти «все» не были «за одного». Пацаны сражались каждый за себя, и команда Лёвы неудержимо получала гол за голом. Валерке стало горько за Лёву.

Вот бы здорово изобрести такую особую машинку: нажал кнопку — и все сразу подчиняются беспрекословно. Проще бы жилось. Лично ему, Валерке, эта машинка была не нужна: он никогда не мечтал командовать. Он отдал бы машинку Лёве. Лёва — хороший человек, а пацаны его не слушаются.

Истерзанный Лёва собрал пацанов обеих команд в центре поля.

— Вы чего как маленькие? — допытывался он. — Нам не надо побеждать друг друга! Мы учимся играть вместе! Вот ты, Цыбастыш, почему Вовчику не отпасовал? Он же прямо против наших ворот находился! А ты, Юрик, зачем отскочил? Ты должен свою зону караулить! Надо всем заодно быть!..

Мяч лежал на земле рядом с Лёвой. Пацаны нервно переглядывались. Титяпкин не выдержал, рванулся к мячу и пнул. И вся орава тотчас с воем кинулась вслед за мячом, бросив Лёву с его бесполезными поучениями.

Игорь Александрович, заложив книжку пальцем, посмотрел на пацанов, посмотрел на Валерку и понимающе усмехнулся.

— Разочаровался в коллективизме? — спросил он.

— Вам нельзя так говорить! — огрызнулся Валерка. — Вы же учитель!

— Учитель, но не дурак.

Валерка не ответил, сердито глядя на игру. При чем тут коллективизм? Коллективизм — это прекрасно. Коллектив всегда прав. Коллектив всегда лучше, чем один человек. Умнее, честнее, храбрее. Но там, на стадионе, разве коллектив? Разве команда? Не команда, а стая макак, дерущихся за банан!

Глава 10. Внешний вид

Для всех, кто надеялся посмотреть открытие Олимпиады, у Серпа Иваныча попросту не хватало посадочных мест, поэтому телезрители сами приносили себе стулья. Игорь вел на дачу Иеронова активистов своего отряда: Веньку Гельбича, Анастасийку Сергушину, Леночку Романову и Лёву Хлопова. Ирина отпустила их, оставшись в корпусе; Олимпиада ее не интересовала, хотя Ирина сто раз в день требовала от пионеров гордиться тем, что они приехали в лагерь на особенную смену — олимпийскую.

Игорь заставил Веньку и Лёву тащить стулья за Лёну с Анастасийкой.

— Бабам-то Олимпиада на хрена? — ворчал Венька Гельбич.

— Бабы у тебя в классе, — ответила Анастасийка. — А мы — девушки.

В лагере имелось только два телевизора. Черно-белый «Рассвет» стоял в Дружинном доме, но там собралась целая толпа: Свистуха с Русланом, старшая воспитательница Ирина Фёдоровна, директор лагеря Колыбалов, доктор Носатов, радиотехник Саня, завхозиха, бухгалтерша и кастелянша, заведующая столовкой и поварахи. Пионеры из старших отрядов, желающие увидеть зрелище, уже не влезали, и вожатые попросились к Серпу Иванычу — тем более что Серп и сам всех приглашал. На чужой территории гостям было несколько неловко, зато у Серпа разноцветно сиял большой «Рубин».

Серп Иваныч был польщен. Он по-стариковски воодушевился таким количеством молодежи и не знал, чем угодить. Кирилл и Максим, вожатые-тезки, приперли телевизор Иеронова на веранду, водрузили на стол и настраивали антенну; Серп Иваныч помогал расставлять стулья.

— Хватает или нет? — спрашивал он. — У меня на втором этаже еще один стул есть, только спинка сломана. Нужен будет кому-нибудь, а, ребята?

С Серпом Иванычем кокетничала симпатичная и наглая Жанка Шалаева.

— А эта дача вот прямо ваша, да? — Жанка смотрела на Серпа чистыми глазами дурочки. — Вы, наверное, какой-то подвиг совершили, да?

— Просто я очень старый, — пояснил Серп Иваныч. — В городе я давно уже надоел, и меня сюда отправили, чтоб я помер и не мешался.

— Вы совсем-то еще не старый, — возразила Жанка. — Не скоро помрете.

Лучи заката набирали над Волгой такую скорость и силу, что слепили даже сквозь частоккол сосновых стволов. Веранда была погружена в янтарное свечение. В окно Игорь увидел, что возле крыльца стоит и курит Вероника — вожатая, которая несколько дней назад купалась при нем без лифчика. Игорь уже знал, что Вероника работает на третьем отряде вместе с занудой Сашей Плоткиным, а живет в одной комнате с правильной Ириной. Наверное, Веронике надоели поборники моральных норм. Курение вожатых в лагере не поощрялось, тем более вожатых-девушек, и Вероника затягивалась с видом человека, утомленного дурацкими упреками. Игоря потянуло к ней, словно ему уже что-то пообещали. Он быстро направился к выходу.

— Привет, — сказал он, доставая сигареты. — Пришла на Олимпиаду?

— А разве здесь что-то еще могут показать? — буркнула Вероника.

Однако Игорь решил продолжать в прежнем ироническом тоне.

— Каким видом спорта интересуешься? Плаванием?

Вероника явно хотела огрызнуться, но против воли фыркнула от смеха. Собственная недавняя дерзость ее ничуть не смущала, а этот усатый парень, похоже, и не думал осуждать. Значит, нормальный.

— Надо же чем-нибудь заняться вечером, — призналась Вероника. — Не методички же читать.

— С развлечениями здесь туго, — согласился Игорь. — К Свистуновой я бы не

пошел телик смотреть, незачем лишний раз на глаза попадаться. Спасибо Серпу, что пустил к себе. Хороший он старикан.

— Да, славный, — кивнула Вероника.

Разговор забуксовал.

— Даже не верится, что Серп всю историю видел, — сказал Игорь, лишь бы продолжить беседу. — На саблях с белыми рубился, на тачанках гонял...

Такое и вправду не укладывалось в голове. Серп Иваныч выглядел, так сказать, весьма современным стариком: молодежь не ругал, своего мнения не навязывал, не жаловался на здоровье, шутил, смотрел цветной телевизор. Но вот телевизор-то никак и не сочетался с буденовцами.

— Вообще-то тачанки — это не к нему, — заметила Вероника. — Я... э-э... — она замялась, — короче, я знаю людей, которые знают его, — ну, в городе, в обкоме. Так вот, они говорили, что Серп делал карьеру по линии партии. И на конях он скакал разве что только поначалу.

Значит, у Серпа Иваныча в биографии — лишь митинги и партсобрания.

— У-у!.. — разочарованно протянул Игорь. — А я-то думал, он герой...

Вероника неожиданно рассердилась.

— А герой — только тот, кто со штыком в атаку? — с вызовом спросила она. — А если человек всю жизнь вкалывал, как ишак?

Всю жизнь вкалывать — безусловно, достойно уважения. Но прожить жизнь ишаком... Нет, Игорь такого не хотел.

— Серп всего себя работе отдал! Не женился, детей не завел — некогда было! Потому сейчас и возится с пионерами — своих-то внуков не нажил!

— Не знаю, правильно ли это, — с сомнением сказал Игорь.

— Судя по твоему виду, конечно, неправильно! — презрительно уронила Вероника, намекая на джинсы и модную стрижку Игоря.

— У тебя внешний вид тоже бывает не совсем правильный, — осторожно ответил Игорь, намекая на ночное купанье.

— Пошляк! — оскорбилась Вероника.

Она бросила сигарету, готовая уйти, но Игорь схватил ее за руку.

— Да погоди ты! — примирительно сказал он. — Я же ничего обидного про Серпа Иваныча не говорю! Мне он очень нравится!

— Таких людей, как он, сейчас нету! — строптиво заявила Вероника.

— Нету, — истово подтвердил Игорь.

— Если бы ты его понимал, то сейчас не здесь бы прохлаждался, а на БАМе рельсы укладывал!

Такой аргумент всегда висел над совестью Игоря, как дамоклов меч: если ты хороший человек, то почему не участвуешь в хорошем деле?

— Ты тоже не на БАМе! — огрызнулся Игорь.

Какого фига эта девица взялась его учить?

Вероника вырвала руку и быстро пошла к домику Серпа Иваныча.

Игорь мрачно затаился, размышляя. Он хороший человек, но ему неинтересно строить железную дорогу в тайге. Было бы интересно — так пошел бы учиться в железнодорожный техникум, а не на филфак университета. Он не лентяй и не эгоист. Не обыватель и не мещанин. Но он не хочет ни на БАМ, ни на КАМАЗ, ни на Атоммаш. Он хочет плыть на тростниковой ладье «Тигрис» и вместе с Туром Хейердалом разведывать пути древних шумеров. Хочет вместе с Кусто в «ныряющем блюде» изучать коралловые рифы. Хочет с Рейнгольдом Месснером когда-нибудь подняться на Аннапурну. Хочет раскапывать руины Мохенджо-Даро, искать Эльдorado в джунглях Ориноко или забраться на недоступное плато Рорайма, где, конечно, вряд ли живут уцелевшие динозавры, но все равно там Затерянный Мир. В этих желаниях нет ничего дурного. Но о них почему-то лучше помалкивать.

А Вероника... Она сама не желает жить так, как все, потому и купалась без лифчика. И рассердилась она не на Игоря, а на кого-то другого или на что-то другое. На нем, на Игоре, она просто сорвала зло. Увы, для этого ей пришлось обвинить его в том, в чем на самом деле она не винила ни его, ни себя. Какие обвинения подвернулись под руку, такие она и пустила в дело.

— Начинается! Начинается! — закричали из теремка Серпа Иваныча.

Когда Игорь вошел, на экране мускулистый атлет в белой форме бежал по улице Москвы с олимпийским факелом в руке. Факел оставлял длинный дымный след. За атлетом тянулись две цепочки спортсменов. Медленно ехали милицейские машины с полыхающими мигалками.

На веранде перед телевизором собралось человек двадцать. Лёва Хлопов охранял место для Игоря. Иеронов, уступая место гостям, сидел в последнем ряду. Игорь протиснулся к нему. Хотелось как-то услужить старику, чтобы оправдать себя за скепсис, хотя Серп Иваныч о скепсисе и не знал.

— Садитесь на мой стул, — прошептал Игорь. — Там ближе к телику.

— У меня дальновзоркость, голубчик, — улыбнулся Серп. — Иди, иди.

На олимпийском стадионе гордо протрубили горнисты. По спортивным дорожкам двигалась процессия в античных одеяниях и лавровых венках; мужчины держали курящиеся блюда с благовониями, а женщины — гирлянды роз. Катились триумфальные колесницы-квадриги, вышагивали черные и белые кони, девушки сыпали цветочные лепестки. Потом пронесли белое олимпийское знамя с пятью кольцами, прицепили к мачте и подняли в небо. Зазвучал олимпийский гимн, знамя развернулось на ветру, полетели птицы.

Над трибунами вздымалась чаша для олимпийского огня, похожая на огромный фужер. Спортсмен с факелом побежал вверх, к чаше, и вокруг него растекалась волна синевы. Люди на трибунах рукоплескали, статисты на поле махали платками. Из чаши вырвались высокие языки пламени. Опять заметались птицы, и диктор сказал, что это пять тысяч почтовых голубей. На огромном панно под чашей с огнем появилось изображение Олимпийского Мишки. Зазвенели фанфары. А перед теликом царила благоговейная тишина.

На стадионе в Лужниках с гигантского экрана космонавты в скафандрах послали олимпийцам спортивный привет и сообщили, что видят с орбиты и Москву, и даже Грецию. Трибуны забушевали овацией. Дикторы читали величественные стихи. По зеленому полю стадиона кружили белые танцоры-спортсмены, и зрители поражались непривычной свободе мужчин и чувственности женщин. Потом поле заполнили артисты в национальных костюмах; мелькали сарафаны и бешметы, папахи и тюбетейки; гремели азиатские барабаны и выли какие-то зурны; ряды артистов перестраивались, вытягиваясь дугами и свиваясь в текучие кольца хороводов. В красочном представлении не было казенщины юбилейных концертов, и дух захватывало от разнообразия лиц и костюмов. Разнообразие таило в себе невероятную силу державы, которая и выстраивала людей в сложнейшие фигуры.

Потом на поле высыпала куча олимпийских медвежат, они кувыркались и махали в воздухе ногами. Затем появились дети: толпа мальчиков и девочек прискакала на палочках-лошадках. Мальчики принялись прыгать и делать сальто, девочки в желтых платьицах танцевали с куклами и раскладывались на зеленом поле звездами подсолнухов. Юные гимнасты, ловкие и гибкие, очень точно отражали суть детства — гораздо точнее, чем пионеры со своими выпренными ритуалами; Игорь вдруг почувствовал щемящую нежность к детям — и к тем идеальным, что были на экране, и к балбесам в своем отряде. И его сердце окатила любовь к своей стране, такой могучей и огромной, часто — неповоротливой, но в глубине — все равно теплой и доброй.

Никто из телезрителей на веранде не видел, как с последнего места Серп Иваныч наклонился к девушке-вожатой, что сидела впереди, и, похоже, что-то ласково

зашептал ей на ушко. Лицо девушки исказил испуг, потом его сменило недоумение, и наконец девушка, зажмурившись, тихо улыбнулась. Это выглядело так, будто старый галантный аристократ одарил трепетную мадемуазель очень приятным, но не совсем допустимым комплиментом.

Глава 11. Песни и танцы

Лёва не отступился от задуманного; он погнал своих горе-футболистов на тренировку и во второй день, и в третий. Игорь Александрович читал книжку, а Валерке скучно было сидеть и тупо глазеть на футбол.

— Горь-Саныч, можно я пойду просто гулять? — попросился он.

— Нельзя.

— Я же нормальный. Я не буду курить или бить стекла.

— Тебя поймают, а мне будет втык.

— Я вас не выдам. Скажу, сам сбежал. Честное слово.

Игорь Александрович поломался, но все же отпустил. Валерка подумал, что Горь-Саныч — хороший вожатый, понимающий.

Пообещав не соваться на Пионерскую аллею и Дружинную площадку, Валерка гулял по окраинам лагеря вдоль сетчатого забора. Он начинал путь у шестого корпуса, шел по берегу Волги, сворачивал в лес и завершал маршрут перед медпунктом. Оттуда двигался обратно. Чирикали птицы, пахло смолой. В нескольких местах Валерка обнаружил глубокие подкопы под ограду. Кто их сделал? Собаки? Пионеры? Беглые Зэки? Эх, иметь бы на территории лагеря такую же землянку, как у Зэков в лесу, только невидимую, чтоб залез туда — и будто исчез. Сидеть бы там и наблюдать, но не присутствовать...

За углом медпункта находились картофельные грядки тети Паши — пожилой медсестры. Тетя Паша не теряла рабочего времени даром и выращивала урожай. Наверное, Беглые Зэки потихоньку воровали лохматые кусты картошки — ведь надо же что-нибудь есть. Тетя Паша должна была все знать про Зэков. Валерка спрятался за кустом, надеясь подсмотреть, как тетя Паша из окна медпункта подает какой-нибудь знак для тех, кто укрывается в лесу. Вот тут-то Валерку и заметила Свистуха.

— Попался, который кусался! — старшая вожатая вытолкнула его из куста. — Почему здесь шляешься? — с подозрением спросила она. — Заболел?

— Да я нечаянно... — растерялся Валерка. Откуда тут взялась Свистуха? Зачем ей приспичило переться в медпункт? Она же здоровая, как лошадь! — Я это... Я в Дружинный дом хотел идти. В кружок записаться.

— Давай со мной, — сказала Свистуха. — Я туда же.

Валерка покорно потащился за старшей пионервожатой.

— Чего любишь? — деловито поинтересовалась та. — Рисовать? Петь? В шашки играть? В настольный теннис? Или стенгазетой займешься?

— Петь буду, — обреченно решил Валерка.

Он и вправду любил петь: считал, что поет очень красиво, а в школьный хор его не взяли, потому что руководительница хора — глупая корова.

— Значит, в музыкальный кружок, — постановила Свистуха. — У нас все должны в чем-нибудь участвовать. А кто не все — того накажем.

Музыкальный кружок занимался в зале, где по вечерам показывали кино. Кружковцы не только пели, но еще и танцевали, поэтому им требовалось место. Сейчас на скамейках вроссыпь сидели девочки — с десятка, наверное, и два тихих, ничем не примечательных мальчика. Под скамейками лежали цветастые полиэтиленовые пакеты девочек.

— Вот вам новый певец, — объявила Свистуха. — Как зовут?

— Валера.

— А где Вероника Генриховна?

— Она в эту, в радиорубку пошла. За этой, за фонограммой.

— Ладно, заливайтесь, соловьи, — сказала Свистуха и убралась из зала.

Среди девочек была и Анастасийка Сергушина. При виде Валерки она скептически сморщилась:

— Ты же не умеешь петь, Лагунов. У тебя голоса нет.

— Ты сама не умеешь! — рассердился Валерка. — Это у тебя голоса нет!

— У меня альт, — с превосходством ответила Анастасийка.

В зал, пересмеиваясь, свободно, как в свою квартиру, вошли еще две девочки. Валерка их знал: спортсменка Жанка Шалаева из второго отряда и ее подруга Оля — резкая и опасная дылда по прозвищу Лёлик. Обе они уже были здесь, в зале, но отлучились, когда Свистуха привела Валерку.

— Во! — громко сказала Жанка, оставив рот открытым на звуке «о».

Валерка понял, что Жанка показывает девочкам покрашенные губы.

Девочки смотрели с восхищением, только Анастасийка хмыкнула.

— А снизу немножко размазлось, — сказала одна из девочек.

— Подтери, — тотчас велела ей Жанка.

Девочка наслюнявила палец и стерла помаду у Жанки в углу рта.

— В тубзике зеркало фиговое, — пояснила Жанка. — Не видно ни фига.

Валерка понял, что Жанка бегала в туалет краситься.

— Дашь мне тоже? — заискивающе спросила девочка, которая поправляла Жанке разъехавшуюся помаду.

— После Лёлика.

— А мне? — спросила другая девочка.

— Рука в говне, — отрезала Жанка.

Она привыкла быть в центре внимания. Дворовая звезда, улыбчивая, общительная и наглая, Жанка нравилась плохим мальчишкам, а потому жила вольно, как ветер, и купалась в безнаказанности.

— Общей помадой пользоваться негигиенично, — сказала Анастасийка.

— Тебе никто и не дает, Сергушина.

— У меня и так есть.

— У мамки скоммуниздила? — свысока усмехнулась Жанка.

— Я чужого ничего никогда не беру, Шалаева, — с достоинством ответила Анастасийка. — У меня у самой все свое.

— Че, и цепка своя? — не поверила Жанка, указывая на тонкую золотую цепочку на шее Анастасийки.

— На ней крест! — заржала Лёлик, будто крестик означал что-то позорное.

— Мне бабушка подарила, — Анастасийка благоговейно положила ладонь на грудь. — Она меня в детстве крестила. Креститься не запрещено.

Жанке было плевать, запрещено или нет. Ее оскорбило то, что у этой козлихи есть такая дорогая и любопытная вещь.

— Я Бекле скажу, он у тебя снимет, — пообещала Жанка.

Бекля был прославленным хулиганом. Как он попал в лагерь — загадка.

— Не снимет, — уверенно возразила Анастасийка.

— Снимет-снимет, я знаю.

— Не знаешь.

— Я вообще все знаю! — Жанка плюхнулась на лавочку. — Хочешь, отгадаю, что ты скажешь в первую брачную ночь?

— Не хочу, — ответила Анастасийка.

— Я хочу! — сказала та девочка, которая не получила помаду.

— Закрой глаза, дай руку, — распорядилась Жанка. — Я буду колдовать.

Девочка закрыла глаза и протянула Жанке раскрытую ладонь. Жанка дунула в нее и принялась производить над ладонью какие-то пассы, будто бросала шепотами невидимую соль.

— Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь!

Жанка хитро посмотрела на всех, приглашая посмеяться над дурой, и пощекотала ладонь девочки ногтем. Лёлик злорадно заулыбалась.

— Ну, кончай! — взмолилась испытываемая девочка, ежась от щекотки.

— Вот это и скажешь! — торжествующе объявила Жанка.

Другие девочки угодливо захихикали.

Довольная собою, Жанка наконец-то заметила Валерку.

— А ты что, новенький? Из какой школы?

Таких, как Жанка, почему-то все сразу знали, а таких, как Валерка, увы, никто никогда не знал. И собственного имени — по мнению Жанки — Валерке не полагалось. Достаточно номера школы.

— Не из твоей, — буркнул Валерка.

— Борзеешь, очкарик? — с готовностью напряглась Оля-Лёлик.

— В моей школе таких чмошников нет, — подтвердила Жанка.

Снова заскрипела дверь в зал — это вернулась Вероника Генриховна. Она несла большой квадратный конверт казенного зеленого цвета. В конверте, без сомнения, находилась пластинка. Девчонки тотчас переключились.

— Вника Греховна, Вника Греховна! — загомонили они. — У нас новый!

— Ну и хорошо, — Вероника Генриховна быстро оглядела Валерку. — Если ему понравится, то запишем в коллектив.

Валерка уже не раз видел эту Веронику Генриховну. Она была вожатой в третьем отряде. И Валерке она почему-то не очень-то нравилась. Было в ней что-то такое же, как в Жанке Шалаевой, вот.

— Для каких песен у нас есть музыка? — спросила Анастасийка.

Вероника Генриховна перевернула конверт и зачитала:

— Пионерские песни «Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”», «Орлята учатся летать», «Пусть всегда будет солнце», «С чего начинается Родина». Детские песни: «Картошка», «Голубой вагон», «Чунга-Чанга», «Когда мои друзья со мной», «Бременские музыканты», «Колыбельная». Выбирайте, какую песню будем репетировать.

Девчонки дружно полезли под скамейки в пакеты и достали песенники. Сделанные из общих тетрадей, песенники были произведениями искусства: тексты написаны цветными ручками, а названия — фломастерами, на всех страницах аккуратно наклеены фотки и картинки по теме. Песню про любовь иллюстрировали цветы, про море — корабли, про дружбу — парочка малышей, что держатся за руки. После каждой песни было начертано «Конец!»

— Надо «Орлят!» — безапелляционно заявила Анастасийка.

— Почему? — удивилась Вероника Генриховна.

— У меня алыт, я буду солировать. А остальные — хор.

Анастасийка не сомневалась, что все должны служить ей во славу.

— Соляра... что? — не поняла Жанка.

— Со-ли-ро-вать, — повторила Анастасийка. — Значит, петь сама.

Анастасийка встала, откашлялась и звонко пропела:

— «Но жизнь не зря-а-а зовут борьбой, и рано нам тру-бить отбой-бой-бой!..

А-ар-лята учатся ле-тать!»

Это было так здорово, что Валерку даже продрал озноб. В тоненькой Анастасийке вдруг сверкнуло что-то серебряное, высокое и пронзительное.

— Ну, ты обурела, Сергушина! — разозлилась Жанка.

Конечно, Жанке так не спеть, хоть лопни.

— Я в музыкальной школе и в городском хоре пять лет занимаюсь! — гордо сообщила Анастасийка. — Надо использовать мои способности.

— Да ни фиги! — Жанка яростно пнула по ножке соседней лавочки. — Надо спеть «Чунгу-Чангу»! Мы на прошлом Новом годе ее пели, да, Лёлик? Иди сюда, покажем им!

Жанка и Лёлик встали перед девочками и посмотрели друг на друга.

— Три, четыре! — скомандовала Жанка. — «Наше ща-астье па-стаянно — жуй ка-коссы, ешь баннаны, жуй ка-коссы, ешь баннаны, Чунга-Ча-анга!»

Жанка и Лёлик спели и станцевали — обе в лад и необыкновенно мило: приставив к голове растопыренные ладошки вроде ушей, они изобразили обезьянок, весело изгибаясь и приседая. Валерка не мог поверить, что перед ним — дворовые разбойницы, умеющие подбить глаз или обозвать так, что соперники теряли дар речи. Впрочем, в движениях Жанки и Лёлика, слишком детских для девочек, которые почти превратились в девушек, таилось и нечто странно непристойное. Жанка и Лёлик подцепили это, конечно, не в школе.

— Можно шапки такие сшить круглые, — глядя на Веронику Генриховну, сказала Жанка, — щеки покрасить и хвосты сделать. Ваще мартышки будем.

Жанку не волновало мнение других девочек, не говоря уж о незаметных мальчиках. Впрочем, девочки не возражали. И Валерка тоже не возражал, хотя ему больше нравилась песня о крейсере — она про войну, а не про обезьян. Но Жанка с Анастасийкой без колебаний решали за всех.

Вероника Генриховна отлично уловила легкий любодейский оттенок танца. Валерка догадался об этом по неожиданно ожесточившемуся лицу вожатки. Но отреагировала она совсем не так, как отреагировали бы учителя.

— Пионерских песен нам достаточно, — с холодком сказала девочкам Вероника Генриховна. — Так что будем репетировать «Чунга-Чангу».

— Схавала, Сергушина? — победно спросила Жанка.

Анастасийка надменно отвернулась.

А Валерке показалось, что Греховна в чем-то родственна Горь-Саньчу. Уступая желанию подопечных, оба они нарушали правила. Но Горь-Саньч уступал Лёве, потому что в правилах ему было скучно, а Греховна уступала Жанке, потому что в правилах ей было тесно. Впрочем, Валерка твердо решил, что с кружком Греховны он связываться не станет. Он не хочет плясать и петь с мартышками. И Анастасийка ему нравилась больше Жанки.

Глава 12. Мертвец в пианино

— Игорь, а где у тебя Хлопов? — спросила Ирина.

— Где? — глупо переспросил Игорь.

Они стояли на пустой веранде. Ирина сквозь очки сверлила Игоря гневным взглядом. «Свечка» закончилась, пионеры ушли в палаты.

— Девочки мне сказали, что утром он плохо себя чувствовал. А после полдника его никто не видел. Он был на ужине?

Игорь не знал. Он уже привык и к работе вожатого, и к своему отряду и не пересчитывал пацанов по головам, не проверял по списку.

— Лишней порции в столовке не оставалось, — осторожно заметил Игорь.

— Ее Гельбич съел. А Хлопов куда-то пропал. Это че-пэ!

— Я пойду искать, — сразу сказал Игорь.

— Давно пора! Я подожду здесь, пока все не прояснится!

Игорь вышел на улицу. Солнце уже село, но закат за Волгой не успел угаснуть, и было светло. На Пионерской аллее фонари еще не горели. В густо-синем небе инфракрасным теплом лучились лохматые кроны сосен.

Странно, куда подевался Лёва? Он был хорошим мальчиком: такие не убегают из дома, не связываются с дурной компанией и не имеют приводов в милицию. Может, Лёва серьезно заболел и его положили в медпункт? Но доктор Носатов сообщил бы об этом... Или же Лёва сидит у Серпа Иваныча с вожатыми и смотрит по телику «Дневник Олимпиады»?.. Игорь поглядел на дачу Иеронова, которая высилась вдали за кустами. В окнах первого этажа мелькали отблески телеэкрана. Нет, другие вожатые прогнали бы Лёву.

Игорь топтался на аллее, решая, куда направиться, и заметил шевеление в акации за большим стендом с лозунгом «Твори! Выдумывай! Пробуй!»

— Хлопов! — тотчас наугад окликнул Игорь.

Из-за стенда нехотя выбрался Лёва и принялся отряхиваться.

— Ты где был? — строго спросил Игорь.

— Там... — уклончиво ответил Лёва. — Олимпиаду показывали...

Он явно врал и потому прятал глаза. Настоящий учитель наверняка вцепился бы в Лёву и вытряхнул из него всю правду, но Игорь пожалел пацана. Мало ли какая мальчишечья необходимость заставила его исчезнуть? Может, он строил себе штаб — детское укрытие где-нибудь в лесу за оградой. Или на спор таскался к развалинам церквушки у берега Рейки: эти развалины в «Буревестнике» считались местом очень зловещим и очень опасным, и там пацаны проверяли свою храбрость. А может, Лёву просто кто-то обидел, и он убежал плакать, чтобы никто не стал свидетелем его слабости.

— Тебя все обыскались, — осуждающе сказал Игорь. — Пошли в корпус.

На крыльце на Лёву набросилась Ирина.

— Хочешь, чтобы тебя из лагеря выгнали, Хлопов?! — прошипела она. — Ты чего себе позволяешь?! Ты где был?!

— Ладно, Ирина Михайловна, не ругайте его, — Игорь попытался утихомирить вожатку. — Он у Серпа Иваныча задержался.

— Нельзя детям потакать, Игорь Александрович! — отрубил Ирина. — А этому Иеронову я объясню, во сколько телик выключать надо!

— Я сам объясню, — поморщился Игорь.

Он подтолкнул Лёву вперед и мельком удивился, какое у Лёвы холодное и твердое плечо. И спина у него была сплошь замусорена хвойными иголками и травяной трухой, точно Лёва валялся на земле в лесу.

Игорь с облегчением водворил Лёву в палату.

Пацаны, понятное дело, еще не спали. Валерка соорудил себе «домик» от комаров: стыбзил у вожатки горсть канцелярских кнопок и прикрепил к стене край своей простыни, натянутой, как крыша, на обе спинки кровати. К спинкам простыня была привязана тесемками из бинта. Половина простыни пологом закрывала «домик» сбоку. В «домике» было уютно, будто на верхней полке в вагоне. Пацаны иззавидовались и тоже принялись мастерить себе «домики», правда, ни у кого не получалось так ловко, как у Валерки.

— Очкастый себе самую удобную койку захамил! — сказал Титяпкин.

Валерка откинул полог.

— Щас за «очкастого» в пачу вташу, Титька! — предупредил он.

— Сам не обзывайся! — обиженно ответил Титяпкин.

Лёва молча и отчужденно прошел к своей койке.

— Ты куда смылся? — спросил его Гурька. — Из лагеря сбежать хотел? Че меня-то не позвал?

Лёва странно закашлялся, словно отвык говорить.

— Я Олимпиаду смотрел, — хрипло сказал он.

Олимпиада в палате мало кого интересовала, а вот страшные истории интересовали всех. Наступило время страшных историй.

— Горох, считай! — распорядился Славик Мухин.

— Со вто-ро-го эта-жа поле-тели два ножа, — начал считать Колька. — Красный, си-ний, го-лу-бой, вы-бирай се-бе лю-бой! Домря, выбирай!

— Красный, — выбрал Серёжа Домрачев.

Горохов снова прочитал считалку, начиная с Серёжи, и рассказывать историю выпало Гурьке. Пацаны замерли. Гурька сел на койке по-турецки.

— Короче, одна бабка купила черный платок и положила на кухне. Мать пришла с работы, пошла на кухню, а платок такой подлетел к ней, закричал: «Дай крови!» — и задушил. Потом отец пришел с работы, пошел на кухню, а платок подлетел к нему, закричал: «Дай крови!» — и задушил. Потом старший брат пришел, видит такой — в кухне все валяются, побежал к ним, а черный платок закричал: «Дай крови!» — и тоже задушил. Потом пришел младший брат, видит: все мертвые, и платок по кухне летает. Брат испугался, побежал в комнату к бабке, говорит: «Че делать?» Бабка такая говорит: «Отруби себе руку и сожги!» Младший брат отрубил себе руку, сжег — и платок сгорел!

Пацаны полежали, потихоньку осваиваясь с ужасом.

— Горох, считай!

Колька снова посчитал, и выпало Юрику Тонких.

— В одной семье жили папа, мама и дочка, — заговорил Юрик. — Папа и мама хотели, чтобы дочка играла на пианино. Они пошли в магазин, а там только черные пианины. Продавщица говорит: «Не покупайте!» — а они все равно купили. На следующий день дочка стала играть. Играла-играла, мама говорит: «Хватит играть на черном пианино!» — а она не может остановиться. Потом остановилась, а мама лежит на полу мертвая. «Скорая» приехала, говорит: «А у нее крови больше нет!» На следующий день дочка снова села играть. Играла-играла, папа говорит: «Хватит играть на черном пианино!» — а она опять не может остановиться. Потом остановилась, а папа лежит на полу мертвый. «Скорая» приехала, говорит: «У него тоже крови нет!» Дочка побежала в магазин, говорит там продавщице: «Заберите пианину!» А продавщица говорит: «Купи топор!» Дочка купила топор, пришла домой и стала рубить пианину, а оттуда ручей крови потек! Дочка разрубила пианину до конца, а там мертвец лежит! Это он всю кровь пил!

Юрик печально замолчал. Пацаны тоже молчали. В тишине гнусаво зудели комары. Валерке от страха стало совсем невмоготу. Все, блин, хватит играть на черном пианино!

— Пацы, не надо больше, — сказал Валерка.

— Очкуешь? — злорадно спросил Гурька.

— А сам не очкуешь, да?

— Ладно, завтра еще будем рассказывать, — за всех решил Горохов. — Я про Автобус-Мясорубку знаю. А щас отбой, пацы!

Валерка закинул полог своего «домика», вытянулся и зажмурился, чтобы поскорее заснуть и не бояться. Успокаивая себя, он думал о причинах ужаса. Ужас — от первобытной обезьяны. Обезьяна всего боялась, поэтому взяла палку, обточила камень и разожгла костер: в общем, стала человеком, чтобы не бояться. И человеческий мир не содержит в себе страха. Пускай этот мир порой скучный или дурацкий, но все равно не страшный. Конечно, даже в нем случаются страшные вещи: люди попадают под машину, болеют неизлечимыми болезнями или садятся в тюрьму. Но это от неправильного поведения. Дураки идут на красный светофор, пьют и курят, воруют. Короче, покупают черное пианино. Живи правильно — и страха не будет.

Он, Валерка, живет правильно — однако страх есть, и еще какой! Кто же виноват? Обезьяна? Неправильные люди? Нет, не они, ведь мертвец забрался в пианино сам! Никто не может объяснить, откуда страх!

Похоже, все пацаны уже заснули, но Валерка вдруг услышал тихий проволочный звяк панцирной сетки, шелест белья и легкое шлепанье босых ног о половицы.

Кто-то поплелся в туалет?.. Но дверь не скрипнула. Зато донеслось какое-то странное чмокание, от которого у Валерки по рукам пополз холод. В этом полупрозрачном чмокании Валерке почудились сразу и безумное наслаждение, и невыносимая жуть.

Валерка немного отодвинул полог и глянул в щелочку. Половину палаты затопила тень. Сквозь большое окно были видны сосны, озаренные синим фонарем, — какие-то сейчас тайные в своей сути, словно опоры деревянного моста, когда смотришь на них, проплывая по реке. На дальней стене лежали полосы белого света. Славик Мухин спал на спине, выпростав левую руку, будто в больнице под капельницей. А перед койкой Славику на коленях стоял Лёва — стоял на коленях и, согнувшись, целовал Славику сгиб руки. Лёва пошевелинулся, распрямился, и Валерка едва не умер: у Лёвы блестели мокрые черные губы. Вернее, конечно, не черные, а красные. Лёва пил кровь.

Валерка не мог оторваться от этого безумного зрелища. Лёва блаженно замер, точно прислушивался к своим ощущениям, а потом снова наклонился и припал ртом к руке Славику. Валерка опять услышал чмокание.

«Я сплю! — сказал себе Валерка. — Я наслушался страшных историй, вот мне и снятся кошмары!..» А Лёва снова распрямился, будто переводил дух. Лицо его в тени было почти неразличимым, но в темных глазницах едва заметно дрожал багровый блеск. Валерка торопливо задернул полог.

Он лежал, весь сжавшись, и убеждал себя, что Лёва его не заметил и вообще он все себе сам напридумывал. В палате было тихо. Никто не сопел и не бормотал — будто на торжественной линейке, когда выносят знамя. А потом легкие шлепки босых ног раздались рядом с кроватью Валерки, и на пологе «домика», синем от света фонаря, обрисовался силуэт Лёвы. Лёва присел на корточки возле кровати. Сквозь полог поплыл шепот:

— Лагунов, пусти меня в «домик».

Валерку от Лёвы отделяло только тонкое полотно застиранной казенной простыни. Тонкое полотно — и значение «домика», своего дома.

— Лагунов, пригласи меня, — просил Лёва. — Я твой друг...

Валерка молчал. На синем полотне появились черные ладони. Лёва невесомо касался простыни, оглаживая полог, точно лаской хотел добиться разрешения войти в чужой дом.

— Тебе же будет лучше, Лагунов, — шептал Лёва. — Этого все хотят, только сами не знают...

Валерка молчал. Где-то вдали на Волге загудел теплоход.

Лёва еще посидел возле Валерки, а потом поднялся. Шлепки босых ног удалились к окошку — туда, где находилась кровать Лёвы. Звякнула сетка.

Валерка лежал, глядя в полог вытаращенными глазами. Нет, это был сон. Это был сон. Утром заиграет горнист и морок развеется без следа!